

Ольга БАРАКАЕВА
Шахриза БОГАТЫРЁВА
Дмитрий ВОРОНИН
Лариса ГАЛУШИНА
Любовь ГОЛОВИНА
Алексей ЖУКОВ
Егор КУЛИКОВ
Юрий МЫШЕВ
Елена ПАЛЬВАНОВА
Александр САВЧЕНКО
Елена САФРОНОВА
Наталья ТИМОФЕЕВА

ПРЕМИЯ
«ДИАС»

Сборник прозы лауреатов премии "ДИАС-2023"

Сборник прозы лауреатов премии «ДИАС-2023» / Ред.-сост. Галина Булатова.
– Тольятти, 2023. – 60 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Ольга БАРАКАЕВА. Аршалуйс и Верочка	5
Шахриза БОГАТЫРЁВА. Дууа	10
Дмитрий ВОРОНИН. Одинокая парта	13
Лариса ГАЛУШИНА. Одно желание	18
Любовь ГОЛОВИНА. Дыхание йогов	22
Алексей ЖУКОВ. Тень ангела	27
Егор КУЛИКОВ. Дядя Слава встал на вёсла	32
Юрий МЫШЕВ. Изба с подоловкой	37
Елена ПАЛЬВАНОВА. Гадкий чертёнок	42
Александр САВЧЕНКО. Пусть он первый!	47
Елена САФРОНОВА. Феномен	51
Наталья ТИМОФЕЕВА. Муха	56

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник вошла проза 12 лауреатов Международной литературной премии «ДИАС-2023». Премия носит имя казанского писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010).

Вот уже пятый год подряд на соискание премии его имени поступают сотни заявок со всех уголков земли и лучшие из лучших получают призы – шары из натурального камня как философский символ будущего, безграничности, объединения, как память о том, что сам Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета.

По-прежнему девизом премии остаются слова писателя:

«Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы».

В этом, юбилейном V сезоне поступило 163 заявки от авторов из 11 стран, в числе которых Россия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Германия, Израиль, Иран, Казахстан, Латвия, Нидерланды, Эстония.

Итоги V сезона премии «ДИАС» были оглашены 1 июля, в день рождения Диаса Валеева.

«У номинаций премии уникальные названия: «Дело», «Имя», «Абсолют», «Судьба», – пишет ставшая лауреатом Елена Сафронова. – Это не только аббревиатура имени Валеева, но и комплекс жизненных ценностей и смыслов, как их сформулировал мыслитель...».

Лауреатами в номинации «Дело» в этом году стали **Лариса Галушина** из Северодвинска Архангельской области, **Любовь Головина** из Иркутска, **Александр Савченко** из Новокузнецка.

Обладателями премии в номинации «Имя» стали **Шахриза Богатырёва** из Карачаево-Черкесии, москвичка **Елена Пальванова** и **Егор Куликов** из подмосковных Люберец.

Номинация «Абсолют» представлена лауреатами – **Алексеем Жуковым** (Латвия, г. Рига), татарстанцем **Юрием Мышевым** и **Еленой Сафроновой** (г. Рязань).

Победители в номинации «Судьба» – москвички **Ольга Баракаева**, **Наталья Тимофеева** и **Дмитрий Воронин** из Калининградской области.

В составе жюри были известные российские литераторы, победители премии «ДИАС» прошлых сезонов: Любава Горницкая (Ростов-на-Дону), Александр Евсюков (Москва – Тула), Евгений Мирмович (Санкт-Петербург), Марианна Рейбо (Москва), Елена Севрюгина (Мытищи Московской обл.), Ольга Харитонова (Новосибирск), Вероника Черных (Снежинск Челябинской обл.).

«Мне как постоянному члену жюри, – делится **Елена Севрюгина**, – дорого это время, богатое на приятные открытия. Не обошлось без них и на этот раз. Самая большая сложность в работе судейской коллегии – выбрать действительно лучшее, учитывая общий достаточно высокий уровень работ, предварительно отобранных для участия в конкурсе, половина из них была достойна лонга и даже шорта».

Во многом с этим мнением согласен член жюри премии **Александр Евсюков**: «Новый сезон премии ДИАС им. Диаса Валеева мне представился достаточно широким и разнообразным, как по стилистике, так и по тематике. Внимательно прочитав работы всех соискателей, уверен – в каждой номинации найдутся произведения, достойные по праву получить награду этого большого творческого имени, накрепко соединившего глубокую философию и филигранное искусство, современный Татарстан и всю большую Россию. В самых удачных рассказах этого сезона мне видится одна сквозная тема – судьба маленького человека с большими, порой даже невероятными возможностями».

А вот слова одного из лауреатов премии Дмитрия Воронина:

«Огромное спасибо всем тем, кто работает в этом литературном проекте (и организаторам, и модераторам, и жюри)! Очень нужно сегодня сохранять память о тех, кто достойно служил её Величеству Литературе, не давать угаснуть их именам. Очень важно делать открытия новых имён, качественно наполняющих литературный океан. И в этом есть неоспоримая заслуга конкурса «Диас».

ПРОЗА ЛАУРЕАТОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ДИАС-2023»

ОЛЬГА БАРАКАЕВА (г. Москва)

Автор пяти книг. Выступала на телеканале «Россия 2» и радио «Россия», произведения звучали в эфирах радиостанций РФ и РБ. Публикации в журналах: «Глаголь» (Франция), «Форма слов», «Вольное слово» (Россия), «Бульварные новости» (США) и другие. Лауреат национальной литературной премии РСП «Поэт года»; обладатель Гран-при открытого литературного конкурса им. Георгия Кольцова; дипломант «Волошинского конкурса»; лауреат международных премий Союза писателей Северной Америки (СПСА);

VIII международного фестиваля «Интеллигентный сезон»; международного конкурса «Мгинские мосты»; международного конкурса радио «Голоса планеты» при поддержке ВКС МО РФ; XXXVI фестиваля-конкурса «Витебский листопад»; победитель конкурсов Международного союза писателей им. Св.Св. Кирилла и Мефодия; VI литературного конкурса «Уральский книгоход» и других. Член РСП и СПСА. Председатель Правления Литературной ассоциации «1 место». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Судьба».

АРШАЛУЙС И ВЕРОЧКА

– Давай мальчиков навестим, Вера. Ты не всех знаешь, я познакомлю.

Крепкие ноги Аршалуйс в мужских ботинках шустро ступают по каменистой земле Поднавислы, приминая невысокую, уставшую от южного солнца траву. Энергичный голос становится тихим, мягким. Женщина показывает пальцем издалека:

– Это Серёжа Ломакин, Сергей Фёдорович, командир стрелкового батальона, он из моих женихов самый красивый. Глаза прозрачные, серые, будто вода в Чепси. Люблю в них смотреть, отражение своё искать. Смотрю и молчу. И Серёжа молчит. По вечерам спать его укладываю, как маленького, колыбельную армянскую пою, ему нравится, быстро засыпает.

А это Стёпушка, джигяр. Белобрысенький, хорошенький, самый молодой здесь. Любит, когда полковые газеты вслух читаю. Сохранились штук пять, искрошились на сгибах. Уже наизусть могу – одно и то же по очереди. Мальчишке обе ноги выше колена оторвало, какой фронт? А так кажется Стёпке, что он сражается, а не лежит без дела, мамалыгу почём зря ест. Ваня Василенко, старший сержант; не смотри, что полноватый: бегают быстро, стреляет метко. Мыкола. Ранение в голову, зрение потерял. Коле письмо от жены читаю. Одно письмо пришло, больше не приносили; видать, неживая она. Кудрявый, черноволосый – Игорь Саркисян. Тяжёлый был, три недели его выхаживала, супом с ложки выкармливала, точно птичку. Не хотел есть. Иногда завлекал: поправлюсь – женюсь на тебе, Аршалуйс. Единственный из них знал, как моё имя переводится.

– Как? – спрашивает подруга.

– Рассвет. У тебя хорошее имя, военное. Для врача подходящее.

– Вера? Вера – военное имя?!

– Конечно. Нельзя на войне без веры. Тем более докторице. Мальчики все, кроме Игоря, Шурой кличут, а Шусей – только ты. Да и не случилось других подруг, сама знаешь, ты у меня разьединственная, разговариваю – наговориться не могу. Надоело, поди, про белого бычка слушать? Терпи, моя золотая, ведь никого на хуторе нет, одна векую. Кроме тебя, не с кем словом перекинуться. Брат и племяшка в Горячий Ключ звали: там электричество, телевизор, вода из крана. А как солдат оставить? Они просили – не бросай; клятву я дала, что не брошу, пока жива. Днём в колхозе работала, вечером к ним бежала – кому сказку рассказать, кого песенкой порадовать. Радио слушала, новости ребятам рассказывала. Так полвека и усвистало.

Ездила я в город. Красиво, не спорю, удобства всякие. Провода, как прыгалки, между столбами висят, на них птицы – чернявые, клювастые, что мой Игорёк. Ночью светло: фонари на улицах. Домой вернулась – скала нависает, Чепси шуршит по камням, убаюкивает, любимки спокойно спят. Вон там – братская могила, двести человек лично похоронила, чуток левее – ещё триста, а всего – почти две тысячи в Поднависле. Каждому камень приносила, отмечала, кто где упокоился. Под розовым большим камнем – командир. Запомни место.

Сколько за них перед скалой молилась! Храма нет, отсюда до ближайшего села – двенадцать километров. Помнишь бои в сорок втором, Вера-джан? Страшные какие бои... Гитлер здесь на Северный Кавказ хотел прорваться, в газете писали – главный удар: за нефтью шёл. В нескольких километрах от Поднавислы его остановили. Не вышло ничего у фрица. Папа и братья на войну ушли. Дедушка, царствие небесное, всем Ханжиянам наказал: русская земля нас приняла, кров дала, братья по вере армян от турок спасли, и теперь свою новую Родину мы защищать должны до последнего.

Сначала пять раненых в дом принесли. Потом ещё, ещё. Я не санитарка, никто и звать никак, никем и не числилась – доброволец. Ничего, всему научилась – уколы ставила, капельницы держала, разве что не оперировала. В одной комнате операционную сделали, в других – лазарет. Дома ступить негде, новеньких под деревья клали. Жара, осы, мухи роятся, зато фруктов много. Пациенты плакали, кричали, еле успевала от одного к другому бегать. Мы с хирургом спали по три часа. Потом тебя на помощь прислали, солнышко рыжее, конопущатое. Вер, до чего же мы молодые были! По двадцать восемь, кажется?

Иду с ведром воды однажды, гляжу – сидит лейтенант носатый, длинный нос повесил совсем. Поздоровалась по-армянски – барев дзез. Не понял. Спросила – армянин? Нет, грек. Совсем расклеился: руку оторвало, кому калечный нужен? Я рывкнула: чего удумал – духом падать! На фронте нужен, одной рукой запросто стрелять можно! Меня и дед, и отец к оружию приучили: охотники. Ружьё одной правой схватила, в воздух пальнула, зыркнула построже. Наверное, жёстко, но так надо. Ожил парень.

В другой раз безногий Володя-тракторист скис. Вовке мягче сказала: после войны мужчин мало уцелеет, каждый наперечёт, женишься на доброй красивой девушке, детей нарожаете. Учись, мозги хорошие, образование получай! Обе руки на месте, одна нога имеется, необязательно трактором управлять. Владимир Петрович в восемьдесят пятом приезжал: Шурочка, помнишь меня? Молоком поила, жить учила – так выучился я, нынче сам учу – детей в школе.

В октябре хирург вызвал, сказал – все на фронт уходим, раненых подводами вывезем, тебя защищать некому, собирайся в эвакуацию. Отказалась. На кого могилы оставлю? Кто ходить за ними будет?

Так крепко ты на прощание меня обняла... на всю жизнь слово твоё запомнила, Верка, – что вернёшься. Твёрдо пообещала – вернёшься, глазищами намокла и к грузовику помчалась, а я стала ждать, пока довоюешь. Терпения, чай, не занимать. Слезу не подпускала: бойцы хныканья не любят, к чему их огорчать?

Шептала-журчала, перекатывалась на голышах год за годом Чепси, уносила тревоги, смывала горести.

Днём в колхозе, вечером с солдатами – так и сложилось. Женихов немало сваталось, да не вышла замуж: предназначение другое. Не рассказывала никому, открою историю давнюю. Лет пятнадцать мне было, через реку переправлялась – арба перевернулась, и понёс меня горный поток, притопил в холодной воде. Я за воловьих хвосты схватилась – дотасили волы до берега. Долго в горячке лежала, с неделю, родители не верили, что оправлюсь, глаза выплакали.

Где-то в других мирах оказалась. Сначала увидела лестницу с резными перилами, по ней поднялась – открылся сад, на местные не похожий. Беседки каменные в рядок выстроились, возле них – фруктовые деревья невиданные. Кипарис лианами навроде глицинии до верхушки

опутан, а глициния – каких на земле не встретишь: ярко-синяя, сыплется сверху бархатным дождём, под исцарапанные босые ноги коврик стелет; до чего хорошо, до чего благостно на сердце! Полупрозрачный старик в белых одеждах наверху стоит, смотрит не на меня, а словно внутрь меня – и ни слова не произносит. Так захотелось в том саду поселиться! Прилечь на топчан, кожицу диковинного плода отшелушить, сладкую мякоть попробовать... Спросила – можно? Старец губами не шевельнул, но я услышала: нельзя, главное предназначение на земле не выполнено, а какое – узнаю, когда время придёт.

Спит моё предназначение под скалой. Смотри, оградки из ивы сплела, чтобы слаще спалось. Командиру куст посадила. Тощенький прутик за столько лет расщекастился, живым зонтом накрыл.

Привыкшими к работе руками в оплётке толстых сизых вен Аршалуйс ловко выдёргивает сорняки, переходит от могилы к могиле. Худая жилистая фигура закутана в тёмную самовязаную кофту, на седой стриженной голове – пёстрый платок. Подруга рядом, «роднулечка», так Аршалуйс её зовёт. Куда Шуся – туда и Вера, хвостиком всегдашним. В тысячный раз Шусин рассказ слушает; помочь не может, зато слушать – сколько угодно.

– Колхоз перестройкой растрепало. Растила кукурузу в огороде, держала несушек – прокормилась. Захотел местный буржуин дачу в урочище строить, бульдозер пригнал. Захолонула душа, Вер. Выскочила, растопырилась. Выглядывает паренёк – уйди, бабушка, у меня приказ, расчистить территорию надо. Не растерялась, отвечаю – у меня тоже приказ, покажу, только домой сбегая, обожди! Тот вылез, прикурил, а я за ружьишком метнулась. Перед ковшом встала, осадила: убирайся отсюда, здесь святое место, солдаты спят, да не шуми: разбудишь. Передай своему начальству: захоронения военных времён, ничего перекапывать не позволю! Дурак молодой рассердился, своей гремучей железкой попёр, я первый выстрел – в воздух, упредила, второй – в лобовое стекло. Удрал на бульдозере.

Потом чиновница приехала. Понимающая баба оказалась: у самой деда в войну сгинули. Распорядилась богатеев не пускать, денег раздобыла на железные ограды. Мальчики довольны, и мне легче. Готовые оградки помыть быстрее, чем из лозы плести: силы-то не те уже, глаза подслепли. Умру скоро, чувствую. Умирать нестрашно, страшно с солдатыками разлучиться, вся жизнь моя – за их могилами ухаживать и тебя ждать. Ты же тогда, в сорок втором, обещала вернуться, с той поры и жду. Пятьдесят лет жду!

– Здесь я, с тобой всюду хожу, за плечом твоим, – успокаивает Верочка старуху, – просто ты меня не видишь. Хочешь, расскажу, что дальше случится?

– Хочу, матахгнэм.

– Ты потеряешь зрение. Когда умрёшь, племянка твоя станет хранительницей. На поляне выстроят армянский храм, сможешь молиться

не скале, а настоящей иконе. Местные жители соберут миллион рублей, представляешь, целый миллион! Хотя как ты представишь, если даже пенсию отродясь не получала... Вот здесь поставят большой памятник: немолодая женщина, опустив голову, сидит на скамье, справа от её руки – простреленная каска. У ног всегда живые цветы – гвоздики, ромашки. Шуся, это ты! Не бросила своих солдат, осталась при них.

По вечерам невидимая Вера подсаживается к бронзовой подруге, гладит родные морщинистые щёки. Скамейка длинная, места обеим хватает. Аршалуйс под шёпот любимой Чепси негромко и ласково напевает бойцам армянскую колыбельную.

А.К. Ханжиян признали Женичиной 1997 года в номинации «Жизнь – судьба». В 1998 году её не стало. Аршалуйс Кеворковне присвоили звание Почётного гражданина Горячего Ключа, того самого города, куда она отказалась переезжать.

ШАХРИЗА БОГАТЫРЁВА (Карачаево-Черкесская Республика, г. Карачаевск)

Поэт, прозаик, переводчик. Выпускница Высших литературных курсов. Автор 6 книг поэзии, прозы и переводов с карачаевского, испанского и шведского на русский язык. Пишет на русском языке. Руководитель литературно-музыкального объединения «Сиреневый салон». Дипломант Всероссийского поэтического конкурса «От фонаря» (г. Тольятти), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «Человеки и коты» (г. Тольятти), дипломант конкурса одного стихотворения в номинации «Читательские симпатии» (г. Красноярск), лауреат Всероссийского конкурса «Национальные головные уборы России» (г. Москва). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Имя».

ДУУА*

Когда Исмаил, единственный сын Сулахат, вернулся из армии с русской женой, не то что мать – весь аул заплакал.

– Кто меня так проклял, – заламывала руки Сулахат. – О Аллах, лучше бы мне не жить до этого дня! Иновёрка в моём доме!

Зеленоглазый стройный красавец Исмаил молча стоял перед матерью. Тень подрагивающих опущенных ресниц падала на его скулы, и тёмный жар заливал его чеканное лицо. Жена его, Аня, шуплая, неказистая, корявенькая, остроносая, больше похожая на воробья, боязливо выглядывала из приоткрытой двери.

А Сулахат всё причитала:

– Завтра к эфенди пойду, пусть спасёт тебя молитвами от злых происков этой колдуньи! Чем она тебя приворожила? Ни роста, ни стати!..

– У неё характер хороший, – робко вставил никогда не перечивший сын, и Сулахат, впервые услышав от него слово поперёк, задохнулась, поняв, что не в силах что-либо исправить.

– Аланла**, хыйны*** ему сделали, – шептался народ в ауле, искренне жалея Исмаила, загубленного колдовством, а ещё больше – Сулахат. – Русский хыйны открыть невозможно...

Жены Исмаила опасались все: неровен час, колдунья из дремучих брянских лесов наведёт на аул чуму – смогла же приворожить красавца.

– Колдунья она, – прикрывая рты платками, шептали бабки и скорбно и многозначительно кивали друг другу.

Чёрная Гошаях, похоронившая в Азии в годы депортации всех четверых детей и с тех пор бьющаяся в приступах эпилепсии так, что искрошила свои зубы, как-то напрямик сказала Ане:

– Дети у тебя будут карачаевцами и мусульманами! Нашими будут!

– Я тоже хочу перейти в вашу веру, – пряча глаза, ответила Аня, и люди ахнули вдругорядь: неспроста это.

А когда Аня появилась в платке, повязанном по-горски, с дууа на шее и попросила называть её Анисат, народ вдруг поперхнулся и – замолк.

И стала поживать Анисат – как все. Родила трёх сыновей – Карчу, Алана, Трама. Всем троим имена давала Сулахат. Но невестку Сулахат так и не приняла – еле смотрела на неё.

– Она у меня отняла одного сына, а я у ней – троих, – говорила она во всеуслышание, когда внуки выросли и женились «на своих». Властная Сулахат сама выбирала невест для внуков, сама ездила сватать.

Анисат из невзрачной тощей девчушки превратилась в осанистую степенную женщину. Выучила язык, в обычаях разбиралась прекрасно, одевалась, как пожилые карачаевки, в тёмные длинные платья, платок повязывала, прикрывая лоб и часть щёк. Дууа она не снимала даже во время купания. И с сыновьями, и с невестками была сдержанна и немногословна, к Сулахат относилась почтительно, но без тепла.

Единственное, что у неё не изменилось с годами – это любовь к мужу. При виде Исмаила она по-девичьи краснела, обращалась к нему с застенчивым трепетом и никому не доверяла ухаживать за ним – даже больная, сама готовила и подавала мужу еду.

Мужественная красота Исмаила с годами стала отчётливей и выразительней. Хотя так же ложилась тень длинных ресниц на его скулы, так же тонок и строен был его стан, так же сдержан и мягок был его нрав. Счастлива, ах, как счастлива бывала Анисат, когда видела лёгкую улыбку мужа, неуловимое движение его крылатых бровей, его сильные стальные руки, плетущие из железной проволоки непонятные иероглифы.

Умер он неожиданно: зашёл на кухню к хлопотавшей Анисат, мягко улыбаясь, и спросил:

– Княгиня (так он называл жену в глаза), кажется, что-то душно?.. – и присел у стола.

Когда Анисат бросилась к мужу, он был мёртв. Она взглянула в любимые зелёные глаза, уже безжизненные, сразу всё поняла – и как стояла, так и рухнула.

У неё отнялся язык. Молча она продолжала работать, готовясь к поминкам, двигалась как робот, и всё время уходила взглядом куда-то внутрь себя. Часто подолгу смотрела в дальний угол и беззвучно шевелила губами, держась рукой за дууа на груди.

После поминок у неё отнялись ноги. Так, обездвиженная, прожила она ещё несколько месяцев. Невестки безропотно ухаживали за ней – а жива была ещё Сулахат, после смерти сына превратившаяся в мумию.

– Я хочу жить долго, – сказала как-то она соседке Кемисхан. – Чтобы каждый свой час молить Аллаха о милости к сыну. Если я умру, кто будет молиться о моём мальчике, кто подаст милостыню бедняку, кто будет думать о нём?

– Жена вон как убивается, – робко вставила соседка.

Сулахат отмахнулась:

– Э-э, убивается или убила – ещё не ясно. Он умер в тот день, когда привёл её в дом! Она высосала его!

– Ваш род всегда был жёстким, – сказала соседка, неприятно удивлённая злостью старухи. – Побойся Аллаха! Она умерла вместе с твоим сыном! Только что в землю не легла.

– Лучше бы легла! – крикнула Сулахат беззубым ртом. – А ты не лезь, где нет тебе места. Делать нечего – чётки перебирай!

– Она веру ради твоего сына поменяла! – чуть не слезами проговорила соседка, и Сулахат с сожалением посмотрела на неё:

– Три сына у тебя, Кемисхан. Дай тебе Аллах три таких невестки. Поменяла змея кожу...

– Аллах-Аллах, – только и смогла выговорить потрясённая соседка.

И тут из дома раздался истошный крик:

– Мама с кровати упала!

На полу недвижно лежала Анисат, и кровь уже запеклась на её синих стиснутых губах. Левая рука сжимала дууа на груди. Последнее особо поразило людей.

Похоронить Анисат решили на мусульманском кладбище, рядом с Исмаилом.

– Опять за ним потянулась, – шептали женщины, утирая слёзы. – Жизнь поменяла ради него, веру свою...

А когда начали обмывать тело, древняя Гошаях сняла уже обветшавшее полураспоротое дууа с её груди.

– Анисат никогда его не снимала, – пояснила она собравшимся женщинам. – Зашейте. Как жила с этим дууа, так и похороним. Она родилась в другой вере, а умерла мусульманкой...

Кемисхан аккуратно распорол дууа, вытянула с одного края изношенную нить – и вдруг вскрикнула:

– О Аллах!

На раскрытой ладони её лежал серебряный крестик...

* Дууа – нашейный талисман в виде треугольного или квадратного мешочка, в который зашито письменное заклинание. Рудимент язычества, не имеющий отношения к исламу.

**Аланла – мн.ч. – аланы. Алан, аланла – испокон обращение карачаевцев друг к другу.

***Хыйны – ворожба, колдовство.

ДМИТРИЙ ВОРОНИН (Калининградская обл., п. Тишино)

Воронин Дмитрий Павлович родился в 1961 г. в г. Клайпеда Литовской ССР. Сельский учитель. Член Союза писателей России. Автор четырёх книг прозы. Публикации более чем в 60 «толстых» литературных журналах России и ближнего зарубежья, в том числе: «Роман-газета», «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса», «Сура», «Аврора», «Гостиный двор», «Бийский вестник», «Дальний Восток». Лауреат премии А. Куприна, лауреат губернаторской премии «Признание», лауреат издания «День литературы» (Москва). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Судьба».

ОДИНОКАЯ ПАРТА

Шестиклассник Алёша шёл в школу последний раз, хотя мог и не идти. Но он всё-таки решил пойти. Зачем? Если бы его спросили об этом, он, наверное, и не сумел бы ответить. Что-то притягивало Алёшку к этому ненавистному до последнего кирпича зданию. То, что здесь живёт зло, он понимал и внутренне содрогался от отвращения всякий раз, когда переступал порог этого дома.

Жёсткий ветер хлестал мальчика по лицу, как будто хотел своими пощёчинами остановить его, выбить из головы засевшую там смертную тоску, заставить вернуться домой. Снег, помогая ветру, впивался в непокрытую голову тысячами колючих иголок. Казалось, что в лице непогоды все силы добра стараются выстроить преграду на Алёшкином пути. И чем ближе он подходил к школе, тем медленнее становился его шаг. Мимо пробегали школьники, стараясь побыстрее оказаться в тепле. Кто-то из них дал Алёшке по шее портфелем и расхохотался, кто-то толкнул, может, и не нарочно, просто спешил и не мог вовремя остановиться. Но Алёшка уже давно перестал реагировать на них. Они были частью зла, окружавшего его со всех сторон.

Школа сверкала десятками глаз. Постояв в раздумье с минуту, он вошёл в неё, и дверь тут же захлопнулась, погрузив мальчишку в обстановку лжи и лицемерия.

Через минуту кто-то вцепился ему в рукав. Алёшка знал, что этот кто-то – она. Она всегда хватала его за руку и, глядя куда-то в сторону, начинала визжать, брызгая при этом слюной ему в лицо. «Явился, свинья! И как только таких земля носит! Опять наследил! Не пущу в раздевалку, пока сапоги свои сраные не вымоешь! Тут тебе не хлев, а школа! – и тут же кричала дежурным: – Смотрите, ворьё пришло! За карманами смотрите!».

И все смотрели на Алёшку, смотрели, как на вора. А он, опустив глаза, старался поскорее раздеться и скрыться в какой-нибудь закуток – подальше ото всех. Алёшкины опущенные глаза и руки, которые почему-то всегда не находили себе места, – то оправляли рукав, то лезли в карманы брюк, то слишком долго встряхивали старое пальто, доставшееся ему от отца, – ещё больше раздражали окружающих, убеждая их в том, что он и есть вор. Что деньги, пропадающие у них из карманов, присваиваются им, хотя при частых обысках денег у Алёшки не находили. Это ещё больше злило всех, и его били. А он молчал, да и что он мог сказать! Вначале Алёшкой делались попытки оправдать себя, но эти попытки ещё больше распалили школьников, ведь они больше верили ей – взрослому человеку, техничке, а не ему. Она же всегда любила напомнить при всех: «Лично схватила за руку!».

И были свидетели. Оправдываться было уже поздно и бесполезно.

А началось всё с того, что, возвращаясь из туалета, Алёшка увидел, как она в раздевалке шарит по карманам. Он хотел пройти незамеченным, но она вдруг резко повернулась, заметив его, вздрогнула, побледнела и чуть ли не прыжками бросилась к нему, схватила за руку и испуганно зашептала: «Ты не выдавай меня, слышь, не выдавай! На, возьми деньги, все возьми!».

Алёшке стало плохо и противно. Он замотал головой, при этом стараясь освободиться от её хватки. Но она, будто клещ, вцепилась в его руку. После нескольких секунд испуга её недалёкий умишко сообразил невероятно паскудную мысль. Она вдруг резким движением засунула ему в карман украденные деньги и тут же, пока он не успел опомниться, схватила его за обе руки, втащила в раздевалку и завопила на всю школу: «Вора, вора поймала! Скорее, вора!».

Двери кабинетов распахнулись, и ученики с учителями тут же окружили его с ней. «Проверьте у него карманы!» – орала она.

Алёшка стал вырываться, кричать, что это неправда. Но его не слушали, деньги у него вынули, а она тут же показала пальто, из которых эти деньги были украдены. Ей вынесли благодарность за бдительность, а Алёшку в тот же день побили. Побили и дома.

Сегодня школа встретила его так же враждебно. Сняв пальто, мальчик спрятался в свой закуток под лестницей в надежде переждать там общешкольную линейку, зная при этом, что всё равно будет найден и препровождён в спортзал. Эта игра в прятки игралась между ним

и другими обитателями школы уже давно. И они ещё ни разу не проигрывали.

Прозвенел звонок, и игра началась, закончившись в спортзале, где проходила линейка. Сейчас выступит директор. Будет говорить о том, что надо подналечь всем на учёбу и дисциплину, что за последнюю неделю было получено столько-то двоек, и что их очень много, и что раньше такого не было, и что надо не подкачать и вывести школу на передовые позиции. Ему похлопают, хотя его никто и не слушал. Потом начнёт своё выступление заместитель директора. Она вызовет на середину зала наиболее отчаянных ребят и начнёт их казнить. Особенно достанется ему, Алёшке. Будет сказано, что он постоянно грязен, что от него вечно пахнет навозом и возле него неприятно находиться, что костюм его не чищен, а рубашка похожа на половую тряпку, что за последнюю неделю он получил массу двоек, что на переменах он позволяет другим подметать собой пол. И все снова станут смеяться, а после линейки завалят его и протащат за ноги по коридору на глазах у учителей. Учителя же, отвернувшись, заговорят о том, какой он неприятный ребёнок, и что давно пора избавиться от «этого идиота», который дурно влияет на всех остальных, собрать, наконец-то, все документы, свозить Алёшку к психиатру, создать комиссию и отправить его в заведение для умственно отсталых детей. А заняться всем этим должна классный руководитель.

Получая такие указания, Тамара Егоровна покрывалась пятнами. Она начинала кричать, что не обязана заниматься «этим быдлом», что пусть кто-нибудь другой идёт к нему домой и составляет акт, а её тошнит от «этого нужника», что с неё довольно походов в «этот хлев».

Тамара Егоровна и сама верила в то, что часто бывала в Алёшкином доме, хотя заходила туда один раз и вспоминала об этом с отвращением.

Кровати были не прибраны, бельё на них грязное, маленькие дети ползали по чёрному полу и не переставая хныкали. Особенно невыносим был запах, кислый и затхлый. Спросив, где родители, и узнав, что они на работе, она ушла.

На следующий день вся школа знала про её посещение этого дома. Тамара Егоровна поделилась своими впечатлениями даже с учениками. Ох, и устроили они Алёшке...

С того дня за мальчишкой прочно утвердилась кличка «вор-навозник».

Со временем впечатления классного руководителя обросли новыми наслоениями, как снежный ком. Она уже теперь и сама не могла отличить, что правда, а что ложь. Особенно она любила рассказывать о кучах испражнений, покрывавших пол, и тараканах, кишащих на драных обоях.

Как ненавидел её Алёшка, её и всех остальных! Мысленно он расстреливал их, представляя, как они ползают перед ним на коленях, моля о пощаде. Порой он воображал себя героем, даже генералом, и они с завистью смотрели на него и отдавали ему честь.

Но это было давно. А сейчас вязкая тоска обволакивала Алёшкино тело и тёмные его глаза были плотно затянуты плёнкой безразличия.

За партой с ним никто не сидел. Брезгливость переполняла одноклассников до краёв. Парта стояла в дальнем углу класса. Была она какая-то измученная, похожая на своего хозяина. За неё никто никогда не садился. Она считалась как бы прокажённой, на ней лежало клеймо, табу. Другие парты постоянно верещали, скрипели, эта же боязно молчала, опасаясь лишним звуком привлечь к себе негодующее внимание учеников. Тяжёлые камни обличений сыпались до тех пор, пока Алёшка не ронял голову на парту и не начинал обливаться слезами.

Уже все давно забыли Алёшкино имя. Для учеников он был «вор-навозник», для учителей – «дебил», «уо», «идиот», «кретин», «дурак».

– Посмотрите на этого придурка, этого дебила, – распалялась Тамара Егоровна. – Разве можно понять, что он тут нацарапал? Это же бред сумасшедшего! Не соблюдаются элементарные правила грамматики, ошибка на ошибке! Что может дать нашей Родине этот... Боже мой, боже мой! Ничего не знает и знать не желает. Идиот! Твою тетрадь в руки брать страшно, ей место в туалете!

И тут же вступали одноклассники:

– Мы же вам говорили! Он же навозник, вор-навозник! Бомжара недоделанный! У него даже мобильника нет! Тупорылый придурок! Эй, навозник, в какой куче навоза ты раскопал свои тетради?

Те, которые сидели рядом с Алёшкой, начинали почти открыто плевать на него, корчить рожи и хохотать ему в лицо. Алёшка падал на парту, закрывался руками и... В классе устанавливалась относительная тишина. Дело было сделано.

Каждый учитель поступал с мальчиком по-разному. Один постоянно хватал его за ухо и выталкивал к доске, другой заставлял Алёшку приседать под общее веселье, третья не обращала на него никакого внимания, будто он и не существовал вовсе, четвёртая кричала ему, что яблоко от яблони недалеко падает, и что сын уголовника – сам будущий уголовник, и что она запретила бы рожать таким матерям «таких уродов».

Когда-то в мыслях Алёшка убивал и эту, четвёртую, а ещё раньше представлял её своей бабушкой. У него не было бабушек, и он представлял её доброй и заботливой, своей защитницей от отца и матери.

Отец, когда не сидел в тюрьме, его часто и жестоко бил. Бил всем, что попадало под руку, бил пьяным и трезвым, бил палкой и стулом, бил головой о стену и пол, бил всегда. Он всех бил и матерно ругался. Когда отца не было, Алёшку била мать, била и обзывала «ублюдком». А он представлял ту, четвёртую, учительницу своей доброй бабушкой. Но это было давно, очень давно. Он уже забыл об этом.

Алёшка уже забыл обо всём, он только помнил, что сегодня последний его день в этой школе и вообще последний его день.

Закончились уроки, и все заспешили домой. Мальчик надел пальто и вышел на улицу. Ветер стих, ярко и холодно светило зимнее солнце. Алёшке вдруг на минуту стало грустно, грустно от того, что сейчас не лето. Но тоска задавила грусть, и он побрёл к лесу. Солнце постепенно скрылось за тучи, пошёл снег. Снег обволакивал мальчишку, заставил сесть. Алёшке стало хорошо, так хорошо, как будто его обнимала добрая бабушка. Снег укрывал его мягким тёплым одеялом.

Наутро его начали искать и, как ни странно, очень быстро нашли.

В тот же день заменили парту.

ЛАРИСА ГАЛУШИНА

(Архангельская обл., г. Северодвинск)

Галушина Лариса Викторовна родилась и живёт в г. Северодвинске Архангельской области. Окончила Поморский университет по специальности «учитель-олигофренопедагог». Почти тридцать лет обучает детей с ограниченными возможностями здоровья. Автор цикла рассказов «Однажды в нашем классе» для детей и подростков с ОВЗ, повести «Заплатки», романа-фэнтези «Ода на смерть оборотня». Победитель V Международного литературного конкурса «Славянское слово» (2022), финалист I Международной литературной премии А. К. Толстого (2022), призёр литературного конкурса «Кубок Брэдли» (2022), лауреат литературной премии главы города Северодвинска «Никольское устье» (2023), лауреат национальной премии «Писатель года» Российского союза писателей (2023) и др. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Дело».

ОДНО ЖЕЛАНИЕ

Семилетняя Ниля знает, чего хочет. Уже и новогодние пожелания записала в тетрадку круглым неустоявшимся почерком.

Первое, заветное: чтобы фашисты умерли. Дописала «плохие фашисты». «Бывают ли хорошие?». Вдруг найдётся один, кого в Германии ждёт дочка.

Второе: пусть папа с фронта придёт. Тогда и мама перестанет плакать. Бабушка поднимется с дивана, где лежит с осени. Ниля кормит бабушку затирухой – жидкой бурдой на муке, поит хвойным настоем. Сама пьёт. Хоть и горько, но полезно, и от горячего в животе веселее. Лучше, чем ничего.

Третье желание: хлеба досыта.

На праздник мама принесёт с дежурства съестного и горький тюлений жир. Кастрюльку с собой взяла.

...В военные годы жил Архангельск не сытнее блокадного Ленинграда. Особенно зимой. Те же сто двадцать пять грамм отрубей с травой. Ели корни растений, пятнистые яйца диких птиц, водоросли, мелкую рыбёшку и тюленей...

Уже взрослой и умудрённой навещала Нинель Марковна родные могилы в Архангельске. На набережной Северной Двины увидела памятник тюленю-спасителю, чей жир избавил город от голода и холода.

Запах тюленьего жира такой, что проветривали комнату, несмотря на мороз. Есть горький жир надо умеючи: зажмурившись и зажав пальцами нос. Зато бабушка после бурой тюри поднялась с дивана, вязала, как прежде, варежки для фронта. Терпеливо объясняла Ниле, как держать спицы, как одолеть непокорную «петельку», радовалась первому «самолучшему» в мире кривому шарфику. Потом бабуля снова слегла.

Кроме всего прочего, Нинель Марковне вспомнилось, как бабушка в последний год не поднималась с дивана. Маленькая Ниля удивлялась: как можно спать, когда во дворе – друзья-догонялки-скачки, дома, под столом – кукла-мишка-солдатики, а на столе – книги, книги, книги!

А как засеребрились кудри, поняла бабушку.

Главное, Нинель чувствовала, что сегодня особенный день.

Подарок готов: стих, что учила для солдат в лазарете. Для первоклассницы слова непонятные, но Нинель с табуретки отчеканит: «...Как шли бесконечные, злые дожди, Как кринки несли нам усталые женщины, Прижав, как детей, от дождя их к груди, – а под конец тихо, – Что, в бой провожая нас, русская женщина, по-русски три раза меня обняла».

Мама, конечно, всплакнёт. Бабушка, как всегда, на неё цыкнет:

– Не раскисай, ядрёна вошь! Всем нелегко!

Ещё накануне Ниля вырезала из старых газет цифры: 1, 9, 4 и 3. Залезла на кровать и прицепила булавками к ковру. Криво получилось, но это если прямо смотреть. Если голову вправо наклонить, то ровно.

Рисунок тоже готов – на листке школьной тетради в клеточку – домик в одно окошко и снежная ёлочка. Ёлочка! Нинель вспомнила из недавнего детства разлапистую, выше шкафа елку, пахнущую остро и пряно.

– Бабуля, где ёлочные игрушки?

Бабушка незаметна под платками, одеялами и старой шубой.

– Ась?

– Спи, спи. Под кроватью посмотрю.

В фанерном ящике с почтовым адресом на крышке среди комков ваты летовали стеклянный красноармеец, разномастные шишки, с серпом и молотом шары, бумажные звёзды, дирижабль и красная звезда. У снегурочки из дырки вместо руки торчит серый клок свалявшейся набивки.

Нинель обмотала бидон нитью из стекларуса. Получилась нарядная ваза. Эх, ёлочку бы, хоть маленькую! На набережной и в парке от деревьев

остались кривые пеньки и сосны, ободранные до иголки для лечебного настоя. Хвоя топорщится ледяным ёршиком на макушке, не достать.

Но Ниля недаром командует шайкой дворовой мелкоты. Она всё придумала. Праздник будет!

Шубейка, заячья шапка с завязками под подбородком, варежки не спасают от холода. Нинель рванула бегом до набережной, через трамвайные пути. У разрушенного бомбёжкой дома налево и вдоль набережной. Река ледоколом разрезана на неровные куски.

На высоком заборе сверху колючая проволока, внизу потайная дыра. Обнаружили случайно летом с Димкой, соседом по коммунальной квартире. Дыра размером с собаку, но и Нинель невелика. Нырнула в сугроб, побарахталась в сетчатой засаде и оказалась на лесопилке. Исхудала, шубу снимать не пришлось.

На лесопилке ровные штабеля сосновых стволов запорошены снегом. Грозят низкому небу ветками с сизыми иголками. Ждут погрузки на баржи. С краю темнеют кривые стволы. Непригодные для строительства поедут на целлюлозно-бумажный.

Голоса работников далеко, у реки. У Нинель непростая задача: оторвать колючую ветку и уйти тихой мышкой. Темнота в помощь. Город, считай, у Крайнего Севера – зимой дни беспросветные.

Девочка упёрлась широко расставленными ногами в подшитых валенках, ухватила двумя руками за толстую ветку. Ледяные варежки скользят по смолистой древесине. Ну их! Стянула, сунула за пазуху. Схватила сильнее. Тут же вонзились иголки и щепки. Ниля упрямо губу закусил: ветка не поддаётся ни на воробыиный скок. Стегает колючками по лицу, а шершавая кора срывает кожу с замёрзших ладоней. Нинель шепчет: «Ну, пожалуйста-а-а». На щёках замерзли слёзы. Сверху полились новые.

– Стоять! Кто здесь? Стрелять буду!

«Ой, мамочки! Пристрелят, как шпионку!»

Рядом выросла грозная тень, закрыла собой полнеба. В руках у тени топор.

– Кто тут? Чего надо? – спрашивает тень. А это баба, обмотанная крест-накрест платком поверх ватного тулупа.

Выслушала грозно лепет о бидоне в стеклярусе, о пузатых шишках, о ёлке на Новый год. Вдруг баба улыбнулась. Нинель увидела: не баба вовсе, а девушка. Вчерашняя школьница с ввалившимися от недоедания и тяжёлой работы глазами.

– Нельзя тебе здесь! – а сама чиркнула топором по стволу и сунула девочке разлапистую ветку. – Беги, пока не поймали! Бригадирша наша – ух! – шуток не терпит. Режимный объект, понимать надо!

Потом отошла, но тут же вернулась. Сунула крепкой рукой сосновое полено. Вот негаданная радость! Буржуйку мама давно топил мебелью и папиными книгами. Если деревяшку расщепить на тростиночки, хватит на две топки.

Нинель, уже с дороги, через забор крикнула:

– С Новым годом!

И побежала домой. Тяжесть полена руки тянет, а она и не чувствует. Прохожих много, с заводов спешат. При виде девчонки с сосновой веткой выше роста останавливаются. На миг расцветают улыбки, вспоминается каждому личное, тёплое, довоенное.

Эх, вот бывает счастье: от буржуйки тепло. Тень сосновой ветки растопырилась на половину стены и пахнет смолисто. На светлой праздничной скатерти лежит письмо с фронта – папа жив! воюет! Стоит, укутанная в тёплое полотенце, кастрюля с пшённой кашей. Напиток из чаги. Под льняной салфеточкой – хлеб на водорослях.

Ниля притихла, не отрывает глаз от огоньков в блестящих игрушках. Бабушка села, поправила платок на голове. Мама включила радио. Скоро заговорит Москва...

В тот год все, как один загадывали одно желание. Одно на всех: дай Бог вернуться нашим победителям живыми и здоровыми.

ЛЮБОВЬ ГОЛОВИНА (г. Иркутск)

Закончила филологический факультет и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. По профессии – журналист, редактор. Пишет прозу, в том числе для детей, критические статьи. Участник Международного Форума молодых писателей «Липки» (2017) и литературной смены форума «Таврида» (2020). Публиковалась в иркутском альманахе для юношества «Первоцвет», журналах «Азъ-Арт» и «Сибирь». Входила в лонг-листы конкурса «Бежин луг» и премии «Капитан Грэй»; в шорт-листы Национальной

литературной премии молодых авторов в номинации «Детская книга», Всероссийской литературной премии «В начале было слово». Заняла первое место в номинации «Критика и литературоведение» в областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (2022). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Дело».

ДЫХАНИЕ ЙОГОВ

Говорят, половина болезней – от неправильного дыхания: оно у городских жителей поверхностное. Да и не только дыхание. Торопимся, на бегу хватаем еду, знания, недодумываем мысли, недоиспытываем чувства: всё по верхам. Так говорит мой тренер по йоге. А я по его совету практикую глубокое дыхание на прогулках после работы.

Седые шевелюры парковых деревьев поредели – солнце, светившее сегодня совсем по-весеннему, выжгло им проплешины. Оставшийся на ветках снег в свете фонарей серебрился чешуёй. Повсюду пастельные тона – от «Февральской лазури» Грабаря до кустодиевской «Масленицы». И вдруг – провал. Как будто мне, благородной барышне, гуляющей по галерее, вместо картин пейзажистов девятнадцатого века подсунули под нос «Чёрный квадрат» Малевича.

– Это твой будущий муж. Смотри, какой красавчик, – бурно смеялись подростки, проходя мимо корячившегося у берёзы пьяного мужика. Он сидел под деревом и совершал безуспешные попытки встать.

– Будешь его домой на санках привозить, – продолжал парень из компашки. – Отличный муж, Ирка, не проходи мимо.

– Да ну вас, идиоты, – отмахивалась тонконогая Ирка в огромном пуховике. Но это всё было, скорее, кокетство. Она хоть и кривилась от предложения, но потом вместе со всеми смеялась, обнажая белые зубы в тёмной рамке сочно накрашенных губ.

– Па-ма-ити... па-ма-ити, – невнятно бормотал мужик. Он сидел в сугробе, напоминая покосившийся кресло-мешок, какие выставляют на верандах летних кафе.

Я брезгливо поморщилась и подавила рвотный рефлекс. В нос ударил тяжёлый запах мочи. Думаю, его не было. Запах всплыл из другого времени, из детства. Отец уходил в запой и лежал на кровати обмочившийся. Мама стаскивала с него вонючие джинсы, трусы и шла стирать. Ложилась спать с нами в комнате – с ним было невозможно и тошно. А, может, за нас боялась, что вдруг проснётся и в пьяном угаре пойдёт бить всех, кто попадётся под руку. Но нас он не трогал. Да и маму не бил. Вот только жизнь её так и прошла за стиркой обоссанных портков да уделанного рвотой постельного. Этот запах не выведет из моей памяти никакое средство.

«Так, дышать, дышать глубоко, вдыхая свежий февральский воздух», – скомандовала я самой себе. Это было непросто, но я уже за долгие годы научилась самоконтролю. Научилась смотреть на мир через оптику, где фокус смещён с изъянов на красоту. На всё некрасивое у меня дизайнерская аллергия.

Вскоре я уже снова погрузилась в бездумное созерцание и наслаждалась прогулкой. На небольшом катке в центре парка весёлым хороводом катались дети и взрослые. Круговое движение любителей пресекали резкие и стремительные профессиональные прокаты. Это юные хоккеисты отскакивали от бортика к бортику, словно рикошетившие пули. То здесь, то там мелькали молодые мамы с яркими колясками. Дети, смеясь, съезжали с горки, налетали друг на друга и кубарем выкатывались в снег. Прогуливались под ручку студенты и пожилые пары.

Я обошла весь парк и, сделав заход на очередной круг, случайно снова вышла на ту аллею, где сидел пьяный. Он уже не пытался подняться, а просто сидел, опершись спиной о ствол. Глянула на часы – круг по всему парку занял у меня не меньше получаса.

Спускались сумерки. На ультрамариновом небе зажигались первые звёзды. Несмотря на опять защекотавший ноздри запах мочи, я замедлила шаг. Мужик не выглядел бомжом. Тёмно-синие джинсы, чёрный пуховик, трикотажная шапка, натянутая по самые брови – половина мужчин в России зимой выглядит именно так. Варежек на нём не было, и его уже обмороженные кисти по цвету напоминали шкурку бройлерных кур. Во всей позе пьяного угадывался Ждун – скульптура голландской художницы. Он был такой же поникший, собранный в гармошку складок, со взглядом морского котика. И точно так же ждал. Ждал помощи от проходящих мимо... Навстречу мне шли двое мужчин – быстро, ни на что и ни на кого не глядя. Обычно так спешат туда, где тоже ждут, где жена уже поставила на столе борщ и налила рюмку водки – расслабиться после трудового.

Мужчины прошли. И я прошла, хотя, в отличие от них, никуда не спешила. Села на лавку, глубоко вдохнула и подумала, как прекрасен

февраль, в нём, ещё заледеневшем, уже чувствовалось пробуждение новой жизни. Воробьи ватагой двинулись на меня. Я сгребла остатки семечек в кармане и бросила на снег. Они не рассыпались в разные стороны, а упали горсткой, и птицам, чтобы заполучить порцию, пришлось расталкивать соседей крыльями. Лакомый кусок достался не всем. Самые слабые потолклись, потёрлись, и, не сумев протиснуться, так и упрыгали ни с чем. Совсем маленький воробей схватил семечку и только хотел проглотить, как прямо из его клюва стащил добычу большой и напористый.

– Вот он, естественный отбор в действии, – раздалось из сумерек.

Я вздрогнула от неожиданности. А это сидевшие на соседней лавке парни, оказывается, вместе со мной наблюдали картину битвы за пропитание.

– Может, мелкий ещё и выживет. До весны осталось недолго.

Кормить птиц больше было нечем, и я снова пошла по парку. Если днём припекало по-весеннему, то сейчас чувствовался морозец. Я сделала очередной круг и снова вышла на аллею с пьяным. В этот раз не случайно, как в прошлый раз, а намеренно. Он всё ещё был там. За истекшие полчаса ничего не изменилось, только людской поток поредел да сгустились краски. Ультрамариновое небо стало графитовым. И теперь увидеть человека на тёмном фоне было почти невозможно. Я видела лишь потому, что знала – он там. Не подходя, нащупала в сумке телефон.

«Вроде вытрезвители собирались вернуть, – вспомнила новость, о которой слышала вполуха. Но в бутерброде между «собирались» и «сделали» – колбаса, которая будет катиться из Москвы в регионы несколько лет. В полицию? Так он вроде ничего плохого не сделал. По крайней мере мне об этом ничего не известно. Нет, в скорую как-то логичнее», – и я набрала 103.

– Здравствуйте. Вы позвонили в Единый диспетчерский центр скорой и неотложной медицинской помощи. Пожалуйста, не кладите трубку, мы обязательно Вам ответим.

– Вот чёрт, – не сдержалась я. Меж тем телефон был уже близок к энергетической смерти. Перевела в экстремальный режим: кто его знает, насколько быстро мне ответят? Может, он на морозе совсем вырубится к тому времени. Да ладно телефон: на моих глазах скоро человек околеет. Да, блин, вот такой бухой, облёванный, похожий на тюфяк, способный разве что сворачиваться в клубок, как гусеница, если в неё ткнуть палкой. Да, вот такой, но всё-таки не гусеница, а человек...

Здравствуйте. Что у вас случилось? – в ленту мыслей двадцать пятым кадром проник незнакомый голос.

– Здравствуйте, – обрадовавшись, почти выкрикнула я. – Тут в парке человек пьяный на снегу сидит.

– И?

– Ну ему нужна помощь, желательно скорая.

– Почему вы так решили?

Я опешила:

– Потому что он не может встать, а на улице минус пятнадцать и, если он здесь заночует, то, скорее всего, отморозит конечности. Если, конечно, не замёрзнет насмерть.

– А мы-то что можем сделать? У нас только ковидников целая очередь. По несколько суток доехать не можем: врачей не хватает. А в вашей ситуации мы причём?

От беспомощности я была готова разрыдаться:

– Я знаю, что вы не причём. Но если вы скажете, кто причём, и дадите их номер, я позвоню туда. А так я не знаю, кого это касается и что делать. А ещё у меня разряжается телефон, и я вряд ли смогу долго с вами разговаривать.

Повисла тишина, которая, казалось мне, длилась и длилась, просто растворившись во времени. И вдруг, как в конце тоннеля, на том конце трубки тоже забрезжил свет – искра, дающая надежду.

– Где вы?

– В парке на пересечении Лермонтова и Грибоедова.

– Пошлю вам бригаду.

– Спасибо.

Я огляделась: людей вокруг – никого. Надо же, как быстро пустеет зимой на улице. Казалось бы, только недавно была толпа гуляющих. Подошла к пьяному, тронула его за плечо.

– Эй, вы живы?

Он поднял на меня глаза, с усилием расклеив покрывшиеся инеем ресницы. Протянул:

– Даа...

– Сейчас приедет скорая. Отвезёт вас...

Мужчина улыбался какой-то странной, перекошенной улыбкой. Вдруг догадалась – это не от радости, что кто-то готов помочь, просто лицевые мышцы свело морозом. Я направилась к выходу. Мужчина отчаянно замычал, потянул ко мне руку, словно утопающий, который пытается ухватиться за жизнь.

– Не волнуйтесь. Скоро вернусь.

Ещё на тропинке я услышала сирену: «Неужели ко мне?». Запыхавшись, добежала до центральных ворот. Черноту вечера взболтал, как миксером, голубой проблесковый маячок. Скорая затормозила. Из машины вышла врач – худая женщина чуть за сорок, с невыразимо усталым взглядом – и шофёр, низкорослый, коренастый, по виду уже пенсионер. Мне стало неловко, что заставляю их таскать в меру упитанных перебравших мужчин.

– Вы звонили? – только и спросили они.

– Я. Пойдёмте.

Мы втроем доволокли пьяного на носилках до машины и водрузили на кушетку в салоне. Водитель зажёл свет.

– Шпашибо, дошка, – с трудом произнёс мужчина. Только сейчас я впервые рассмотрела его лицо. Оно было покрыто морщинами, как будто руслами маленьких и больших рек, впадающих в озёра светло-голубых глаз. Пьяный тяжело и быстро дышал, словно не мог глотнуть достаточную порцию воздуха.

– Всё, больше вы нам не нужны. Можете идти, – сказала мне врач. – Адрес свой помнишь? – обратилась она уже к мужчине.

– Да, – ответил он и закрыл глаза. Видимо, сомлел в нечаянном тепле, на которое уже не надеялся...

– Спасибо вам, – пожала я руку врачу, понимая, что заставляю людей делать не их работу.

Она улыбнулась. Не губами, а морщинками вокруг глаз. Так улыбаются люди, которым обычно не до улыбок.

Скорая уехала. А я ещё минут пять смотрела ей вслед. Телефон мой давно «умер», и я не знала, который час. Казалось, что, придя в парк, я попала во временной портал, в котором встретила новую себя. Или, наоборот, прежнюю: которая не навешивала на людей ярлыки и не испытывала брезгливости, которой не нужны были болезненные раздумья – помочь или пройти мимо...

Поскрипывая сапогами по снегу, я побрела домой. И удивительно: дышалось глубоко, само по себе, безо всякого контроля.

АЛЕКСЕЙ ЖУКОВ (Латвия, г. Рига)

Родился в 1981 году в городе Рига. Учился в Балтийском русском институте по специальности PR-менеджер. Более двадцати публикаций в печатных и цифровых изданиях, выходивших в издательствах «Снежный ком», «Перископ-Волга», «Астра-Нова», «Литера Нова», «Эдита Гелсен» и др. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Абсолют».

ТЕНЬ АНГЕЛА

Затаив дыхание, я смотрю на снежинки за окном. Белые хлопья кружатся, взмывают и падают, танцуя под известный лишь им мотив зимнего ветра. Иногда они ложатся на стекло и замирают, будто пытаются похвастаться своей красотой, но тут же соскальзывают прочь, оставляя лишь слабый влажный след. Однако я успеваю заметить хитросплетение ледяных узоров: хрупкое и мимолётное, как сам полёт, но исполненное того неосязаемого изящества, что всегда остаётся незамеченным.

Я впитываю их красоту и смотрю сквозь белое мельтешение на дом напротив.

Квадратные бреши окон в серой громаде светятся жёлтым. Многие из них зашторены, некоторые сияют огоньками гирлянд, однако есть и такие, что и вовсе не спрятаны от стороннего взгляда. Но это вовсе не оттого, что их обитатели жаждут чужого внимания. Просто даже в свете неброских светильников и ярких люстр люди порой забывают про свет иной, что теряется среди насущных дел, невзгод и неурядиц.

Вот на втором этаже молодая пара. Парень и девушка размахивают руками, пучат глаза и выкрикивают что-то дрожащими от возмущения губами. Слезы готовы навернуться на глаза обоих, но обидные слова, хоть и будучи неслышными, заставляют вздрагивать даже тишину разделяющей дома улицы.

На четвёртом, в крайнем справа, сидит старик и разглядывает в слабом свете торшера, бережно придерживая пальцами за уголки глянцевое фото. Позади виднеется неряшливо украшенная пластмассовая ёлка, а подле на столе лежит перевязанная лентой коробка с куклой. По сухим морщинистым щекам текут слезы.

На пятом же светится ангелок, сплетённый из приклеенных к стеклу диодных лент. Фигурка маленькая, свет слабый, но он всё равно выхватывает из темноты пухлощёкое личико мальчугана, положившего подбородок на скрещённые на подоконнике руки. Он не плачет, однако зелёные глаза исполнены такой печали, что хочется разрыдаться самому. Потому как в соседнем окне видны двое взрослых: мужчина, кидающий вещи в распахнутый чемодан, и женщина, спрятавшая лицо в дрожащие ладони.

Я не слышу их голосов. Звонкий мороз и заклеенные на зиму створки служат надёжной преградой. Но даже если распахнуть окно настежь и спугнуть снежный морок, я всё равно не разберу слов. Потому как куда громче звучит застывшая на заунывной ноте тяжёлая и вязкая печаль.

Я сижу в тёмной комнате. Родители понимают, что мне так нравится, и не противятся. Но дверь за моей спиной притворена не до конца, и прямоугольник жёлтого света отражается в окне. Словно тюрьма моего недуга может стать крепче из-за какого-то щелчка щеколды.

Зато я прекрасно слышу их голоса, хоть они и пытаются говорить, как можно тише. Но их шёпот настолько пронизан эмоциями, что даже безмолвный диалог одними губами не смог бы укрыться от моих ушей.

– Лариса! – голос папы резок и груб, но я понимаю, что это из-за давно и крепко въевшейся усталости. – Он неизлечим! Ну не лечится такое! Сколько мы уже перепробовали? Сколько денег спустили? Всё без толку!

– Но Пётр Иванович сказал, – отвечает мама и замолкает. В её словах усталости не меньше, но уже почти нет той привычной дрожи, что всегда сопровождала запертым слезам. Всё-таки надежда, хоть и слабая, не желала тонуть в солёном омуте.

– Твой Пётр Иванович – шарлатан! – слышится шуршание газеты, и папа читает язвительно-насмешливым тоном. – «Доктор Соколов, сенситивно-психологическая терапия». Ты хоть видела его диплом? А лицензию? Можешь не отвечать, я и так знаю, что нет! Сколько он уже с тебя содрал? Я ради него, что ли, в две смены пашу?

Я не понимаю, почему папа ругает доктора.

Пожилой и улыбчивый, тот сразу попросил называть себя просто дядей Петей. Другие врачи либо смотрели на меня, как на несмышлёного зверька, листая бумажки и изучая подключённые к моей голове приборы, либо сюсюкались, как с младенцем, хотя в уходящем году мне исполнилось уже целых десять лет. А дядя Петя говорил со мной, как с нормальным, взрослым мальчиком, без дурацкого лепета или игнора.

– Признай наконец, – говорит папа уже без злости. – Просто признай. Андрей – debil. Мне тоже больно, поверь. Но нам нужно принять это.

– Не говори так! – теперь уже голос мамы наливается звонкой яростью. – Серёжа! Не смей говорить такое про нашего сына!

Несмотря на свой серьёзный возраст, я не понимаю ещё многих слов. Даже тех, что зачастую слышу от сторонящихся меня людей. «Дебил», «неполноценный», «умственно отсталый». И до сих пор не гадаю, что такого наговорил дядя Петя маме, после чего на её лице вновь стала появляться улыбка. Наверное, как раз из-за неё я и запомнил ту странную речь доктора. Которую он, опять-таки в отличие от своих коллег, не пытался говорить у меня за спиной.

«Видите ли, – сказал тогда дядя Петя, – ваш сын живёт в совсем иной плоскости восприятия окружающего мира. Мы ещё не до конца изучили данный феномен, но он однозначно имеет место быть. Да, мальчик почти не способен управлять собственным телом. Но нарушение синаптических связей, работы нервных клеток и общего функционирования организма – это лишь следствие. Биологическая составляющая просто никак не может поймать связь с той тонкой сущностью, с той эмоциональной параллелью, в которой на самом деле существует сознание Андрея. А оно существует, уж поверьте, и наверняка куда богаче, да и глубже, чем наши с вами умы вместе взятые».

Я так сильно задумался над словами доктора, что даже не услышал, как скрипнула дверь и в комнату зашёл папа.

Сильная рука разворачивает коляску. Отец садится передо мной на корточки и слабо, но улыбается. Я пытаюсь улыбнуться в ответ и даже сказать что-то, но губы едва шевелятся и вместо слов слышится только сиплый хрип. Наверное, улыбка тоже выходит не очень – плечи отца вздрагивают, но сам он не перестаёт улыбаться. А потом протягивает руку и взъерошивает мне волосы.

– Андрюха, ты как? – папа не дожидается ответа и продолжает. – Ну и молодец! Мужик! Слушай, я на работу – присматривай за мамой, ладно? Ну и слушайся конечно! Я же могу на тебя положиться?

Я снова пытаюсь что-то ответить, но только хриплю. Тогда папа кивает, хлопает меня по плечу и выходит. Слышится стук железной двери, и целых долгих пять минут в квартире царит тишина, прерываемая лишь маминими всхлипами на кухне. А потом появляется и она.

– Андрюша, милый, не проголодался?

Под глазами красные круги, волосы растрёпаны, как будто в локоны впивались напряжённые пальцы, но улыбка по-прежнему та, да и огонёк в глазах, что разгорелся после последнего визита к дяде Пете, так и не угас.

Я пытаюсь сказать, что нет, но снова лишь мычу, и мама всплёскивает руками:

– Ну конечно! Совсем мы с папой заболтались. Ты погоди, сынок. Я сейчас тебе кашу разогрею. Гречку, твою любимую, – она хлопает себя ладонью по лбу и с шутливой горестью вздыхает. – Ах да! Совсем забыла, прости.

Мама подходит к ёлке, нагибается и щёлкает кнопкой возле подставки. На ветках тут же вспыхивают десятки разноцветных огоньков.

Мы поставили ёлку ещё вчера, а наряжали сегодня утром. Я говорю «мы», потому что мама всегда развешивает игрушки, только дождавшись, когда я проснусь. Тогда она достаёт коробки, ставит коляску поближе и непременно спрашивает, какую и куда повесить. И пусть я не могу ничего сказать в ответ, её пальцы всегда безошибочно выбирают нужную ветку.

Через какое-то время на кухне гремят кастрюли, радио мурлычет новогодний мотив, а мама ему тихо подпевает. Я же смотрю на переливы ярких светлячков, сплетённых воедино запрыганным в хвое проводом. Я знаю, что по нему бежит ток, и что именно он заставляет сверкать миниатюрные лампы в пластиковой обёртке. Но я вижу ещё и нечто другое, текущее по невидимым нитям меж гирлянд и стеклянных шаров. Белый, незамутнённый полумраком свет, волшебный до самой глубины своего естества. Волшебный, ибо вбирает в себя всю силу, всю выжимку добра и тепла, что рождается при виде перебора цветных искорок, запаха хвои и наивного ожидания чуда.

Я вдыхаю и вбираю в себя этот свет. Чувствую, как упругой волной разливается он по телу, гулко отдаётся в висках и жжёт кончики пальцев. Руки сжимаются на поручнях коляски, и я рывком разворачиваюсь к окну.

Думаю, что этой энергии вполне хватило бы на то, чтобы обрести власть над своим телом. Наверняка, хватило бы.

Возможно, когда-нибудь... Да, когда-нибудь.

Но только не в этот вечер.

Я протягиваю руки, и белые нити срываются с кончиков пальцев, устремляясь к окнам дома напротив. Они касаются жёлтых пятен за стёклами, проникают за прозрачную гладь и растворяются внутри облачками алмазной пыли.

Молодая парочка резко замолкает. Секунду парень и девушка смотрят друг на друга, а потом хлёсткий, как искра, порыв сплетает их в объятиях, не оставляя места для тяжёлых фраз. И я поспешно перевожу взгляд дальше.

Пенсионер вздрагивает от звонка и неожиданно резво бросается к двери. Уже через секунду он судорожно отпирает простенький замок, и на шею ему, радостно вопя, бросается курносая девчушка. Светлая тугая коса взмывается ввысь, разгоняя полумрак старческого жилища, и будто пытается мне на что-то указать. И я послушно поднимаю глаза.

На пятом этаже мальчуган жмётся что есть сил к отцу. Под локтем зажат плюшевый медвежонок, и ему очень неудобно его держать. Но он и не думает разжимать тонких пальцев, скрещённых за спиной мужчины. К тому же сбоку их обоих пытается обхватить женщина, на глазах которой так и не высохли слёзы. Но это уже совсем другие слёзы. И никто не смотрит на брошенный и такой ненужный чемодан.

Я заглядываю и внутрь себя. Волшебства почти не осталось, но на дне сердца ещё что-то плещется. И этих капель как раз хватает на то, чтобы на моём лице наконец появилась настоящая улыбка.

Жаль только, мама не видит. Но когда-нибудь она увидит. И папа, и все-все-все. Обязательно! Ведь правда?

В конце концов, ангелы красивы всегда.

И потому, когда в следующий раз вам где-нибудь встретится неказистый человек – с несуразными чертами, изломанными движениями или попросту застывший в коляске – не спешите брезгливо отворачиваться. Лучше взгляните на тень за его спиной. Вдруг там трепещут изголодавшие до полёта крылья?

ЕГОР КУЛИКОВ
(Московская область, г. Люберцы)

Родился в 1990 году в с. Кучурган Одесской области. В 2003 году переехал в Российскую Федерацию, где окончил школу, отслужил в армии и окончил Российский университет дружбы народов (РУДН) по направлению «журналистика». Печатался в журналах: «Урал», «Москва», «Новая юность», «Волга», «Южная звезда», «Дальний Восток», в газете «Литературная Россия». Лауреат премии «Мост дружбы» за рассказ «Батя» (2017). Лауреат Международной литературной премии

«ДИАС-2023» в номинации «Имя».

ДЯДЯ СЛАВА ВСТАЛ НА ВЁСЛА

Жизнь в такие дни замирала.

Озеро пенилось от непогоды. Кресты церквей рвали низкие тучи. Волны таранили откосы берега, проглатывая обвалившийся грунт. Облизывали песчаный пляж, где медный колокольчик жалобно звал на помощь.

Жители посёлка ждали. Отдёргивали шторы, смотрели в заплёванные дождём окна. В лес не сходишь – привалит. На воду не станешь – утопит. Вот и слонялись, не зная чем себя занять.

Заветное: «дядя Слава встал на весла», – расплзалось по мобильникам и смартфонам.

Пора.

С этого момента под крышами гаражей и сараев посёлок оживал. Готовили снасти, чистили сети. Укладывали удочки, в сотый раз перематывая леску.

А дядя Слава, в затасканной форме цвета хаки, в высоких сапогах и с вещмешком на плечах, выходил на пляж. Осматривал танцующую воду. Переворачивал деревянную лодку. Тащил, оставляя борозду в песке, как плуг в поле. Ставил лодку на воду, доставал вёсла и исчезал в водовороте капель.

Поутру призраком появлялся в тумане. Уставший. Глаза выедены ветром. Пошатываясь, волочил лодку и возвращался в крайний дом.

К обеду погода всегда становилась тихая и даже какая-то добрая.

На парковку, как коровы в стойло, лениво закатывались автобусы. Выходили зевающие туристы. Собирались стайкой и шли за своими экскурсоводами.

– ...первые упоминания об этом месте отмечены при Василии Третьем, отце Ивана Грозного. Точных дат нет, но судя по церковным книгам... – и плели, плели, плели монотонными голосами, держа над головой табличку.

Тут же, как нищие на паперти, толпились местные. Ждали, когда экскурсовод с облегчением произнесёт:

– Ровно в (такое-то время) собираемся у автобуса.

Началось.

– С ветерком прокачу. У меня мотор! вёсла – прошлый век.

– Вокруг островов. А если надо, и на сами острова. Недорого.

– Катамаран, удочки, снасти в аренду.

Бывалые не бросались беспорядочными фразами. Всё равно что прикормку в течение бросить. Усилий много, а выхлопа нет. Тут на каждого туриста надо свою глубину мерить.

Пожилым закидывали наживку в виде спокойной прогулки по озеру. Комфортные места, навес от солнца. Можно и чего-нибудь местного горячительного попробовать. Молодым, особенно с фотоаппаратами, говорили, что с озера вид на церковь – это нечто. Сфотографировать с берега может каждый, а вот с воды...

Замерли.

Но «замерли» ещё не шуршит наличкой. Сейчас главное не спугнуть.

– ...на закате она как в огне. Вы тут до какого часа?

Переглянулись.

– До восьми.

– Как раз успеваем. Ещё время на пикничок останется.

Поплавок уже не просто вздрогнул. Утонул. Время подсекать:

– За пять сотен: большой круг вокруг островов и к закату возвращаемся к церкви.

– Ну...

Срывается.

– Три сотни и убираем острова. Когда вы ещё тут будете?

Подсёк. А дальше дело техники.

Лодки отплывали от берега, как торпеды, выпущенные кораблём.

– Ну, как, а? Я же говорил – оно того стоит. Красотища. Всю жизнь тут живу, а не могу налюбоваться. Вы, кстати, легенду про монаха слышали?

– На экскурсии рассказывали, – отвечали туристы, щёлкая фотоаппаратами и телефонами.

– И про сокровища?

– И про них.

– А про дядю Славу слышали? По глазам вижу, что нет. Такое вам только местные расскажут. В общем, живёт у нас тут один такой. Вон в том доме. Ага, крайний с высокой трубой. Погоду заговаривать умеет. А вы не улыбайтесь. Я сам не верил. Как бы ни штормило озеро, если дядя Слава встал на вёсла, всё, баста! Как пить дать, на следующий день жди солнца.

– Он колдун что ли?

– Да какой колдун!? Рыбак, как и все мы тут.

Хорошо пока солнечно. Пока туристы обхаживают рынок, покупая рыбу, грибы, сувениры, ягоды. Сорят деньгами. Вносят какое-то веселье в повседневную жизнь.

Но вот тучи распахивают голубизну неба. Заслоняют горизонт.

Предупредительно покачиваются верхушки сосен. На воде появляется рябь, словно озеро ёжится от холода. С треском рвётся небо и первый гром, как выстрел стартового пистолета, открывает дорогу дождю и ветру.

Снова звенит колокольчик.

Выходит дядя Слава на пляж. Капюшон натянут, ворот поднят.

Прыгает в лодку и исчезает в этой круговерти.

Лодку дыбит. Обваливает. Швыряет, как детский кораблик.

– Ну, извини-извини... – приговаривает дядя Слава, налегая на вёсла.

И куда плыть? Ни черта же не видно.

Берег смазывается дождём. Ветер поднимает водную пыль, гонит в лицо.

Вёсла то наполовину уходят в воду, то беспомощно загребают воздух, когда лодка взбирается на гребень.

– Ну, хватит уже. Хватит! Устал я... вот сейчас брошу всё и делай, что хочешь. Не веришь? Да, пожалуйста.

Вытягивает вёсла вдоль лодки. Ложится на дно и по-покойнически складывает руки на груди.

Ветер покорно стихает.

– То-то же, – назидательно говорит дядя Слава и снова берётся за вёсла.

Заплывает в бухту дальнего острова и вылезает на берег.

– Сейчас мы тебя выловим. Потерпи, родной. Потерпи...

Мокрый пеньковый канат ныряет в кольцо на носу лодки, и дядя Слава отпихивает её ногой. Видит, как она растворяется в серости брызг. Травит потихоньку, пока что-то на том конце не дёрнет. Канат вытягивается струной и сбрасывает жирные капли.

Дядя Слава упирается ногами в корни и натуженно тянет, едва не падая на землю.

Тёмным пятном высвечивается лодка. Прорисовывается во мгле. А дядя Слава тащит и улыбается.

– Давай помогу. Смотри, не оступись.

Вытаскивает на берег. Привязывает на всякий случай к сосне и идёт вглубь острова по раскисшей тропинке.

– Сильно ты завернул в это раз, – говорит дядя Слава, направляясь к двум огромным валунам. – Пойдём быстрее, чтоб не привалило.

В расщелине не так ветрено.

– Я тебе, кстати, привёз кое-что, – хитро говорит дядя Слава. – Пока я тут вожусь, поставь треногу и дрова из заначки вынь.

Вещмешок звенит посудой: котелок, пара железных кружек, нож с разделочной доской. Быстро сооружается навес из брезента.

Дядя Слава разжигает огонь. И под треск костра, под завывание заблудившегося ветра, под дробь капель по брезенту тихо говорит:

– Ну, ты чего?.. соскучился. Да и я тоже. Мать тебе привет передаёт. Ты же знаешь, она с того раза на воду не стаёт. Ты только не обижайся на неё. Плачешь? Давай тогда вместе.

И по усталым щекам, смешиваясь с брызгами дождя, текут слёзы. Тонут в бороде, не доходя до губ.

– Ну, всему должен быть край. Сейчас водичка закипит и ушицу сварим, как тогда. Вот, гляди, кого поймал, – дядя Слава вытягивает полосатого окуня, оловянную краснопёрку, чёрного линя. – Этот, правда, горчит малость, но мы его укропом и солью поправим. На тебе лук, а я за дровами, чтоб следующий раз не бегать.

Возвращается с охапкой:

– Смотри, сколько ветер набросал.

Садится. Ломает об колено и складывает в каменную нишу.

– А морковку почему не почистил? – спрашивает он, не отрываясь от работы. – Ну, так что... я тоже не хочу. А уху хочешь? Давай так. На тебе морковка, а на мне рыба и картошка. Идёт? Вот и отлично.

Дядя Слава тонко срезает кожицу. Ножичком приподнимает дрожащую крышку, выпуская пряный запах укропа. Пока урчит котелок, разливает чай.

– Добавил чуть-чуть медку и пару перчинок. В такую погоду самый раз. Вот держи... чего руки трясутся? Замёрз? Прыгай ко мне.

Распахивает куртку.

– Сейчас согреемся.

Пьёт чай, вытянув ноги к костру.

– Знаю, что говорю каждый раз, но ты извини меня. Что недоглядел тогда. Не отыскал. Я ведь неделю в туман ходил. И всё звал тебя, звал. Водолазы дно обрыли, а ты вон, где нашёлся. На острове. Чего говоришь?.. обратно вернулся. Это да. Это правильно. Ты хоть рыбу поймал тогда? Правда? Покажи, какую? Ой, и врун же ты... ой, и врун. У нас такой отродясь не водится. Я самую большую по локоть вытаскивал, а мне уже годков-то. А хотя, может, и поймал. Может, оно и правда.

Ветер нагоняет ночь. Крупные капли сменяются изморосью. А из расщелины, озаряя камни и ближайшие деревья, струится подрагивающий свет костра и тихие разговоры.

К утру небо льёт молоко. Туман плывёт между деревьев, втекает в расщелины, стелется по воде. Блестит трава и иглы сосен. Провисшие кружева паутины наряжаются каплями-бусинками.

Дядя Слава открывает глаза.

– Проспали? Ну, ёк-макарёк. Ты чего не разбудил? Ладно, я старый уже, а ты... пошли скорее.

Дядя Слава идёт. Несёт удочки.

Садится на пенё, рядом обязательно складной стульчик. Плещутся под ногами волны, словно хотят выбраться на берег.

– Червей некогда было копать, поэтому будем на хлеб. Покажи, чему научился, пока меня не было. Ух, как далеко! Ничего себе... ну, у тебя глаза молодые, а то я даже поплавка не вижу. Вот, сидим теперь и ждём. Сидим и ждём. Сидим и... – дядя Слава закрывает глаза мозолистой ладонью и долго, очень долго молчит.

Поплавок покачивается на волнах. Вздрагивает. Бегаёт по воде из стороны в сторону. Тонет и выпрыгивает. Разве что не кричит. А дядя Слава так и сидит с закрытыми глазами. Думает. Потом словно просыпается:

– Чего же ты не смотришь? А? ну... всё, ушла добыча. Видать, хорошая была. Смотри, весь хлеб съела. Не расстраивайся, сейчас ещё наберём.

После рыбалки собирает вещмешок. Прячет треногу и дрова.

– Пора, – говорит он и идёт к берегу.

Снова привязывает лодку и отпускает её в туман, до тех пор, пока канат не вытянется.

– Прощай, мой хороший. До следующего раза, – говорит дядя Слава и тянет обратно пустую лодку.

Скрипят уключины над водой.

Дядя Слава плывёт.

И опять же, куда плыть, если в таком молоке даже вёсел не видно.

* * *

– А про костёр на острове слышали? Нет? Когда на озеро ложится туман, то на дальнем острове, загорается огонёк. Говорят, он вроде маяка для человеческих душ. А ещё, если приглядеться, то можно увидеть лодку с двумя рыбаками. Её вон оттуда хорошо видно. Ага... от того дома с кривой трубой.

ЮРИЙ МЫШЕВ

(Республика Татарстан, г. Тетюши)

Автор книг «Древний край Тетюшский», «Незабудки. Миниатюры», «Хрустальные облака», «Билет до Гавгамел», «Старая роща», «Слов серебряная россыпь...». Публиковался в «Литературной газете», журналах «Идель», «Знамя», на портале «Сетевая словесность». Лауреат и победитель российских и международных фестивалей и конкурсов, в т.ч. «Живое слово» (Болдино), «Люблю Отчизну я...» (Лермонтовские Тарханы), «Под небом рязанским», «Литературная Вена», «Славянские традиции». Серебряный призёр литературной премии «Золотое перо Руси» (2014), лауреат «Золотое перо Руси» (2022), лауреат литературной премии «Пражская муза» (2016). Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Абсолют».

ИЗБА С ПОДОЛОВКОЙ

Старая деревенская изба, в которой когда-то жили мои бабушка с дедушкой и в которой прошло моё детство, теперь никому стала не нужна. Продать её в покидаемой всеми деревне нет возможности. По старой привычке я приезжаю сюда иногда, чтобы провести в благодатной тиши выходные. Барсик тоже достался мне в наследство от бабушки, которая доживала свои одинокие дни в родной избе, не желая никуда переезжать. У кота странная окраска, как у настоящего леопарда: рыжеватый, с тёмными пятнами. Барсик даже в моё долгое отсутствие оставался жить в бабушкиной избе. Прогрыз в нижней части обветшалой двери дыру и через неё проползал вовнутрь. Подкармливал его сосед Фомич, отставной подполковник, вернувшийся после многолетней беспокойной военной службы в родную деревню и ставший здесь заядлым рыбаком.

С вечера я не хватился кота. Бывало, что он оставался на ночь у Фомича, пропавшего насквозь рыбным запахом. Как раз накануне сосед демонстрировал нам с Барсиком дюжину выловленных в реке на мормышку краснопёрых полосатых окуней. Не мудрено, что мой зверь позарился на аппетитных рыбок и ночь провёл в ожидании удобного момента, чтобы стянуть парочку у соседа, подвыпившего по такому случаю. Но когда Барсик не явился утром, я забеспокоился. Фомича дома не оказалось. Неужели кот увязался с ним на речку? Летом такое с Барсиком случалось, но чтобы зимой...

Фомич вернулся с речки под вечер хмурым. Барсика с ним не было. Узнав о моей пропаже, оживился:

– Вот денёк, всё одно к одному. Ни рыбы, ни кота. Да собаки одичавшие, скорее всего, загрызли твоего зверя. Развелось их нынче...

Не так-то просто было загрызть моего хитрого котяру, но пришлось поверить соседу и выпить с ним по полстакана мутного самогона.

А следующим утром меня разбудили странные звуки, напоминавшие грозное рычание затаившегося в засаде молодого леопарда. Было непонятно, откуда они исходили. Накинув фуфайку, я вышел во двор. Звуки доносились откуда-то изнутри дома. Отодрал дощатую обшивку на углу избы, проверил подпол, заглянул под крыльцо. Никого. Показалось, что рычание доносилось откуда-то сверху. Пришлось лезть на чердак.

Чердак в наших краях называют по́доловкой. Там живёт до сих пор моё детство. Тот же затхлый аромат хмеля и сушёных яблок, те же звёзды на ночном небе сквозь расщелины, тот же вид из покосившегося окошечка: внизу простираются яблоневые сады, только заброшенные, густо заросшие дикими кустарниками. За садами вдалеке всё также извивается голубоватая лента речки, опоясывая разбросанные небрежно по берегу деревянные домики.

На подоловке всегда одно время. 23.57. С той поры, как здесь оказались сломанные старинные часы, напоминающие сказочный теремок со стеклянной парадной дверцей. Чёрной минутной стрелке, будто остановленной цепкой паутиной, никогда уже не преодолеть оставшиеся три шажка до вершины, когда должен прозвучать мелодичный перезвон, извещающий о начале новых суток. «Выхожу один я на дорогу...» Именно на подоловке я, наконец, разгадал тайну перезвона, когда снял заднюю стенку уже не нужных никому часов. Оказалось всё просто: минутная стрелка, двигаясь по кругу, заводила механизм подъёма деревянного молоточка, который начинал постукивать по стальным пружинкам в момент касания стрелкой цифры 12.

На подоловке всегда одно время года. Осень. Её густые терпкие ароматы не выветрились за многие годы. Раньше под обрешёткой крыши висели тряпичные мешочки, набитые резаными сушёными яблоками, грибами, орехами и хмелем. К жердям были привязаны верёвочками засушенные гроздья рябины. В стороне дед развешивал пучки табака, выращенного им самим на огороде. Дед Илья признавал только самосад. И собирателем, и грибником дед был заядлым, знал все заветные места в Старой роще. Бывало, поздней осенью из леса притаскивал по мешку орехов или опят. А вот хмель был личной бабушкиной заботой. Домашнее пиво, которое она варила, на всю округу когда-то славилось.

Низ подоловки надёжно утеплён: на сухие, плотно уложенные дубовые листья насыпаны опилки, прижатые сверху слоем земли. В середине подоловки высится обшарпанная кирпичная труба, выходящая наружу на шиферную крышу. В зимнюю стужу можно было согреться, прислонившись к тёплым кирпичам. Затаишь, бывало, дыхание,

и услышишь мерный гул пламени в печи. Метнётся от порыва ветра дым с крыши на подоловку сквозь щели у карниза – донесёт аппетитные запахи печёной картошки, серых щей, сдобных бабушкиных пирогов.

На подоловку выбрасывали то, что и выкинуть было жалко, и оставить в избе нельзя.

Рядом с часами валяется пара лаптей. Память о прадеде Егоре. Эти лапти он сплёл особым способом в два слоя, так что в них и в грязь ноги не промочишь. Подарок для прабабки.

За трубой лежит покрытая седой пылью старая дедушкина гармошка. Растянешь меха – тяжело вздохнёт двухрядка и смолкнет, словно задохнувшись от приступа астмы. А когда-то немало деревенских красавиц заманивала в пленительные сети минорных аккордов.

*Сыграй, Ваня, сыграй, Ваня, сормача повеселей,
Чтобы это скучно времечко катилось быстрее...*

Каждую весну под крышей между карнизом и стеной лепили гнездо ласточки. Мне удавалось наблюдать с подоловки, как подлетала к гнезду касатка с острыми чёрно-синими крылышками и кормила птенца, доверчиво высунувшего из отверстия гнезда свой маленький плоский клювик. Не забыть пережитого мною в детстве потрясения от увиденной гибели ласточки. Она укрылась от начинавшегося ливня под карнизом, устроившись на проводе. От сильного порыва ветра два провода соприкоснулись, посыпались с треском ослепительные искры, и ласточка камнем свалилась вниз в придорожную траву. Но птенец был всё-таки выкормлен другой ласточкой. Наверно, именно он вернулся следующей весной под нашу крышу и слепил с подругой новый уютный домик.

Осматриваю подоловку: а что из моих вещей на ней осталось?

Старая истрёпанная книжечка издательства «Детгиз». Лермонтов, «Герой нашего времени». От лермонтовской прозы, которую я читал летними вечерами при свете фонарика, кружилась голова. Я подражал Печорину. Была история. Дуэль из-за княжны Мэри – изящной городской красавицы Ленки. С Грушницким – хулиганом Генкой с соседней улицы. Увы, Ленка предпочла побеждённого Грушницкого. Необъяснима женская логика. После тех пережитых страданий Печорин стал мне ещё ближе. Достигнув призывного возраста, служить я попал на Кавказ. «...И путь неизвестный над пропастью, где, покрываясь пеной, бежит безымянная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... всё, всё в этом крае прекрасно... Воздух там чист, как молитва ребёнка...» Несмотря ни на что.

Из той же жизни остался на подоловке клубок магнитофонной ленты от катушечного магнитофона.

*Но верил я: ещё не всё пропало,
Пока не гаснет свет, пока горит свеча...*

И запутавшаяся в паутине бабочка голубянка – засохший лепесток выцветшего осеннего неба.

Барсика я не сразу обнаружил. Он забился в дальний недоступный угол, решив видимо, что именно я замуровал его на подоловке. Кто ж ещё? Когда мне удалось просунуть руку и ухватить его за шею, он вдруг превратился в маленького настоящего барса – расцарапал мне в кровь полруки. Пришлось отпустить его и в стороне дожидаться, пока он не успокоится и не выйдет наружу сам по приставленной лестнице. Я осмотрел стены – во многих местах они были исцарапаны острыми когтями моего вольнолюбивого зверя. Всё выяснилось. Барсик забрался на подоловку в поисках добычи. Увлёкся охотой на мышей. Тем временем началась вьюга снаружи, замела щель, через которую кот обычно попадал на чердак. Сутки он держался, а на вторые вспомнил о своём зверином происхождении и заметался с рычанием по подоловке, стремясь, во что бы то ни стало вырваться из западни.

Вернувшись в топленую избу, он снова превратился в привычного смирного Барсика. После праздничного обеда из выпрошенных мной у Фомича пары свежих окуньков кот улёгся покорно у моих ног как ни в чём не бывало.

В понедельник мне нужно было возвращаться в город. Но с утра вновь закружила сумасшедшая вьюга. Она бесновалась весь день. Выбраться из деревни не было никакой возможности. Я оказался в западне, как мой Барсик на подоловке. Да вдобавок ещё пропал мой сотовый телефон. Впрочем, эта потеря мало что меняла в моей затворнической жизни – деревня была вне зоны досягаемости мобильной связи.

Вьюга не утихомирилась и во вторник. Днём ко мне пришёл Фомич с бутылкой самогона и банкой солёных огурцов.

– Слушай, сосед, что-то со мной не то: утром вышел покурить во двор – кто-то песни поёт на твоей подоловке.

Я пожал плечами – Барсик сидел на моих коленях, кому ж там ещё петь? Да, без рыбалки Фомич совсем пропадает. Не успел я разрезать огурец, как сосед снова напрягся:

– Слышишь? Опять поют там...

Он в страхе покосился на потолок и поспешно перекрестился. Я прислушался. Это были звуки старых бабушкиных часов! «Выхожу один я на дорогу...» Фомич засобирался домой:

– Пойду я, надо отоспаться. Пить мне больше нельзя, не напрасно меня старуха пилит...

Я не стал задерживать Фомича – к его мутной жидкости и умным рассуждениям о текущей политике у меня сложное отношение. Когда он удалился, я полез на подоловку, преодолев суеверный страх – должно же быть какое-то объяснение вдруг ожившим старинным часам.

Оказалось, что это не часы пели, а мой потерянный сотовый, который выпал из кармана, когда я Барсика из западни выручал. «Выхожу один я на дорогу...» На высоте подоловки мобильная связь существовала. Ответить

на вызов я не успел, телефон разрядился тотчас, как только я взял его. Успел только пробежать взглядом по последней эсэмэске. «...Не звони мне больше!»

Я швырнул мобильник в дальний угол. Туда, где раньше свивали гнездо ласточки. Пусть останется в прошлом.

ЕЛЕНА ПАЛЬВАНОВА (г. Москва)

Родилась в 1997 году в Москве. Закончила переводческий факультет МГЛУ. Работает переводчиком с английского и французского языков. Перевела на русский язык пять книг для издательств ЭКСМО и АСТ. Автор поэтического сборника «Присказка» («Глубинка», 2020) и сборника рассказов «Невероятно? Не факт...» («Порт приписки», 2021). Публиковалась в коллективных сборниках «Тишина на задней парте!», «Будь человеком!», в газетах и журналах «Литературная газета», «Обзор», «Формаслов». Победитель и призёр ряда международных и всероссийских литературных конкурсов, в т.ч. «Великий праздник молодости чудной», «Русский Гофман», «Хрустальный родник», «Зелёный листок». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Имя».

ГАДКИЙ ЧЕРТЁНОК

Чёрт, стуча копытцами, промчался по преисподней. Пока он бежал, его три раза толкнули, дважды дёрнули за хвост и ещё пять раз подставили ему подножку. Подзатыльники он не считал.

Выскочив из-под земли, чёртик первым делом пихнул карапуза на детской площадке, подставил подножку спешившей куда-то старушке с пакетом мандаринов и походя дёрнул за хвост пробежавшего мимо кота. Карапуз заревел, барахтаясь в снегу, старушка рассыпала мандарины, а кот выгнул спину и зашипел. Чёрт довольно потёр руки. Хорошо, что у них в аду учатся на собственном опыте. Иначе он бы не представлял себе, что делать на земле. А так – всё понятно.

Это был ещё маленький чертёнок. Ничего толком не умел и служил на побегушках у старших чертей. Но надеялся получить повышение, чтобы его уважали и боялись. Вот тогда он всем покажет...

Однако сейчас времени не оставалось: пора было браться за работу. Он нырнул в ближайший подъезд и юркнул в первую попавшуюся квартиру. Там была в разгаре ссора: жена осыпала мужа упрёками, а тот огрызался, не отрываясь от телевизора. Достав мешок, чертёнок стал складывать туда все обзывательства и колкости.

Весь день он бегал по домам и, если где-нибудь ссорились, сразу раскрывал мешок. Туда летело всё: угрозы и проклятия, издёвки и насмешки, ругательства и оскорбления. К вечеру мешок был набит до отказа, а чёрт валился с ног от усталости.

Выбравшись на улицу, чёртик развязал мешок, запустил в него руки и ойкнул, напоровшись на острую, как битое стекло, насмешку. Чёрт сунул пострадавший палец в рот. «Какой я молодец, – зализывая ранку, думал он. – Вон сколько всего насобирал! Может, мне за это награду дадут. Или хотя бы разрешат поджарить какого-нибудь грешника. Ну я его...»

Замечтавшись, чёртик поднял глаза к небу и вдруг заметил ангела. Тот летел, взмахивая крыльями. Его белоснежное одеяние развевалось, а над золотыми кудрями сверкал нимб. В руках ангел бережно держал что-то небольшое и светящееся. Чертёнок зло оскалился и сузил глаза. Он ненавидел ангелов! Летают тут такие красивые, чистенькие, важные. Аж противно! Чёрт набрал побольше воздуха и проорал что-то обидное. Но ангел его даже не услышал. Тогда чертёнок вытащил из мешка первое попавшееся проклятье и метко запустил в ангела. Снаряд попал в цель. Ангел вскрикнул, схватился за крыло и выронил свою ношу. Она упала вниз, прямо к ногам чёрта. Недолго думая, тот схватил её и юркнул в подворотню, где ангел не мог его видеть.

Выждав пару минут и убедившись, что погони нет, чертёнок принялся разглядывать добычу. Повертев её в руках, он догадался, что это чья-то Просьба. Просьба была совсем лёгкой, мягкой и тёплой. От неё веяло чем-то приятным. Кажется, это запах надежды. А ещё Просьба светилась. Такой Просьбой удобно освещать дорогу в кромешной тьме преисподней. Греться об неё, если холодно. Подкладывать под голову, как подушку. И просто смотреть на неё, когда грустно. Чертёнок крепко прижал Просьбу к себе и пробормотал: «Моя. Не отдам». Тут он вспомнил, что время поджигает. Сунул Просьбу под мышку и, подхватив мешок, провалился сквозь землю.

Бес, заведующий пунктом приёма брани, был большим, толстым и длиннорогим. Когда чертёнок, пыхтя, втащил в кабинет мешок и вывалил все оскорбления и проклятия, бес обнажил клыки.

– Явился! На целых две минуты опоздал!

– Зато я столько насобирал... – залепетал чёртик. – Может, мне за это...

– Поджарить бы тебя за это! Иди отсюда!

Чёртик, подгоняемый острыми рогами разъярённого беса, пулей вылетел из кабинета и поспешил восвояси. Найдя укромный уголок, он забился туда, вытащил Просьбу и, прижавшись к ней щекой, заснул.

А в это время два ангела стояли в больничной палате и смотрели на супружескую пару. Женщина, сгорбившись, сидела на стуле у постели, на которой лежал мужчина. Он казался таким бледным, что напоминал восковую фигуру.

– Нигде нет. Просьба исчезла, – убито проговорил один из ангелов с повисшим крылом.

– Надо, чтобы она послала Просьбу ещё раз. Тогда мы отнесём её, и всё будет хорошо...

– Она не пойдёт, – вздохнул раненый ангел. – Она потеряла надежду.

Второй ангел скользнул к женщине, обнял её своими крыльями, зашептал что-то на ухо. Но та даже не пошевелилась.

– Ты прав, – наконец промолвил он. – Иди, тебе надо отдохнуть. Я с ними побуду.

Раненый ангел с трудом поднялся в воздух и на одном крыле вылетел в окно.

Чертёнок проснулся. Что-то жгло ему щёку. Он с изумлением обнаружил, что его Просьба стала твёрдой и горячей, полыхала и слепила глаза. Чёртик понял: она превратилась в исступлённую Мольбу. Испугавшись, что сейчас кто-нибудь заметит свет, чёрт поспешил выбраться из ада. Мольба обжигала ладони, и чёртик выпустил её из рук. Мольба упала. Чёрт чувствовал себя обманутым. «Раз ты так, то и валяйся тут», – буркнул он и пошёл прочь, но, сделав пару шагов, зачем-то обернулся. Мольба сиротливо лежала на земле. Её запах изменился: теперь от неё веяло не надеждой, а отчаянием. Чертёнку стало не по себе.

«Не надо так на меня смотреть, – сердито зашипел он. – Скоро какой-нибудь ангел тебя подберёт».

Он задрал голову. В небе, тяжело взмахивая одним крылом, и правда летел ангел. Сейчас он спустится и унесёт эту вредную, кусачую Мольбу. Чёрт затаил дыхание: в первый раз он увидит ангела так близко! Но ангел не снижался. Он был погружён в свои невесёлые раздумья и вообще не смотрел вниз. «Стой!» – закричал ему чёрт. Но ангел опять его не услышал. Тогда чёртик схватил Мольбу и побежал за ангелом. «Стой, подожди!» – надрывался он, но тщетно. Ангел поднимался всё выше и вскоре пропал из вида.

Чёртик понятия не имел, что делать с Мольбой. Угораздило же его с ней связаться... Он нерешительно посмотрел вверх. Где там эти Небеса? Может, получится добросить?

Чёрт подкинул Мольбу. Она взлетела и шлёпнулась обратно. Чёртик поднатужился и подбросил её ещё раз. Мольба опять упала. «Надо забраться повыше», – решил чёрт. Он огляделся. Совсем рядом стояла украшенная ель, такая высоченная, что звезда на её верхушке терялась среди небесных звёздочек. Сбравшись с духом, чертёнок взял Мольбу в зубы и начал карабкаться по толстому стволу. Лезть оказалось сложно: руки коченели от холода, копытца соскальзывали, не находя опоры, а ёлочные иголки больно кололись. Звезда на верхушке светилась, вселяя в него суеверный ужас, а земля внизу казалась пугающе далёкой.

Наконец Чёртик добрался до самой звезды. Отсюда она уже не выглядела такой страшной. Стараясь не смотреть вниз, чертёнок изо всех сил метнул Мольбу в небо. Как маленькая комета, та взмыла в воздух. Она удалялась, постепенно становясь всё меньше. Чёртик зачарованно следил за ней.

И вдруг Мольба начала увеличиваться: она снова падала. Изловчившись, чертёнок поймал Мольбу, но не удержался и рухнул вниз. Он летел, ударяясь о ветки, и ждал, что вот-вот расшибётся в лепёшку.

Внезапно падение прекратилось. Почему-то чёртик стал подниматься в небо, словно его несла какая-то неведомая сила. Наконец он увидел под ногами облака и опасливо ступил на одно из них. Облако оказалось мягким, но пружинистым. Чёртик сделал несколько шагов и замер, почувствовав, что на него смотрят. Только сейчас он с ужасом заметил на облаках ангелов. Среди них был и тот, которому он собственноручно подбил крыло. Чертёнок отступил назад и зажмурился. Сейчас его ка-ак столкнут вниз! Их много, а он один.

Кто-то тронул чёрта за руку. Испуганно вздрогнув, он приоткрыл один глаз и обнаружил перед собой того самого раненого ангела. С отчаянной обречённостью чёртик нагнул голову, направляя на него рожки. Но ангел смотрел не на него, а на Мольбу.

– Скорее! – Ангел повлёк за собой сбитого с толку чертёнка. – Скорее, она же сейчас сгорит!

Растерявшись, чёрт поспешил за ним. Впереди показалась сверкающая радуга. Ангел указал на неё.

– Клади сюда.

Чёртик робко приблизился к радуге и положил на неё Мольбу. Та заскользила вперёд, как по рельсам, и вскоре скрылась из глаз.

– Теперь всё хорошо, – улыбнулся ангел. – Мольба будет услышана. Идём?

Он снова взял чёрта за руку, и они взмыли в воздух. Чертёнок не знал, куда они летят, но его страх отступил. Он искренне наслаждался полётом. А самое удивительное, впервые в жизни он не испытывал ненависти к ангелам. «Не такие уж они и противные», – великодушно думал он.

Между тем они с ангелом влетели в какое-то окно.

– Смотри, – шепнул ангел.

В комнате со слезами на глазах обнималась супружеская пара. На них, широко улыбаясь, смотрел ещё один ангел. При виде вновь прибывших он прошептал:

– Очнулся!

И оба ангела тихо засмеялись.

Чёртик смутился. Он ничего не понимал и чувствовал, что он тут лишний. Пользуясь тем, что на него не обращают внимания, чертёнок вылез в окно и побрёл прочь. Скоро нужно будет брать мешок и тащиться на работу. Не хватало только опоздать ещё раз...

Вдруг сзади послышался голос.

– Это тебе.

Вздрогнув, чёрт обернулся и увидел раненого ангела. Тот протягивал ему что-то красивое и воздушное. Этот предмет напоминал Просьбу: такой

же тёплый, мягкий и светящийся. Только он был гораздо больше Просьбы, и веяло от него чем-то другим.

– Что это? – выдохнул он, прижимая к себе подарок.

– Благодарность, – ответил ангел. – Она твоя.

Чёртик растерянно смотрел на Благодарность. Куда её девать, такую огромную? Её ведь не спрячешь. Значит, с собой нести нельзя.

В это время Благодарность вдруг воспарила и окутала его невесомым, светящимся ореолом, напоминающим нимб. От изумления чёрт потерял дар речи. В это время ангел спросил:

– Ты новенький?

Чертёнок недоумевающе уставился на него.

– Крылья ещё маленькие, – серьёзно объяснил ангел.

Чёртик повернул голову и скосил глаза себе за спину. Действительно, там трепыхались два крохотных крылышка. Так вот что не дало ему упасть с дерева! Только сейчас он заметил, что хвост и копытца пропали. Чёрт ощупал макушку и лицо. Рога тоже исчезли, а пяточок уменьшился и превратился в обычный нос. Чертёнку захотелось по привычке выругаться от удивления, но почему-то стало неловко, и он сдержался.

– Крылья со временем вырастут, – успокоил его ангел. – Полетели?

И бывший чёрт неумело захлопал крыльями и самостоятельно поднялся в небо. Он ещё не осознавал, что с ним произошло, но чувствовал: он будет ещё не раз благодарен судьбе за то, что случилось в это Рождество.

АЛЕКСАНДР САВЧЕНКО
(Кемеровская обл., г. Новокузнецк)

Савченко Александр Карпович родился в 1937 г. на ст. Любинской под Омском. В качестве инженера-гидротехника направлен на работу в Кузбасс. Публикуется с 1969 г. Печатался в журналах «Огни Кузбасса» (Лауреат премии за 2012 г.), «Сибирские огни», «Страна Озарение» и в альманахах «Кузнецкая крепость», «Притяжение». Произведения автора включены более чем в 10 сборников, выпущенных в последние годы в Москве, Самаре, Орле, Омске, Брянске, Волгограде, Ярославле, Кемерово и Новокузнецке. Отдельные произведения опубликованы в Монголии, Казахстане и Беларуси. Автор трёх книг: стихов – «В плену времён», экспериментальной прозы – «СОВ ПАДЕНИЕ» и романа «Двое из-за бугра». Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Дело».

ПУСТЬ ОН ПЕРВЫЙ!

– Дядя Вань!.. Ну, дядечка Ваня! – и следом назойливое «кап, кап, кап».

Иван снова начинал плутать в забвенье. Одно и то же: кап, кап, кап. И тот же голос: «Дядечка Вань! Ты живой? Посмотри ж на меня!..»

Когда он пришёл в себя, понял, что находится под землёй. В шахте. Сначала уловил, а потом узнал – это ж Равиль! Иван разомкнул веки. Кап, кап, кап... Всё ясно: это грунтовка с кровли штрека. Значит, остановлены все «жабы» – насосы, откачивающие пластовые воды.

Равиль не заметил, как старый шахтёр открыл глаза. Поэтому продолжал твердить: «Как же так получилось, дядя Ваня? Нас теперь никто не выручит...». И, как молитвенное причитание: «Эби сенелем! Син мине ишетэсенме?...»

– Да, живой я, Рава! Живой! Только скажи: давно без сознанки?

– Ой, дядя Ваня! Не знаю... Наверно, давно... Может быть, сутки... Или больше... Я даже сильно захотел есть...

– Ладно! Сейчас не до этого... Нацеди мне водички... Душа вся иссохла.

Иван понял, что пришёл в сознание окончательно. Он вспомнил, как перед концом смены, когда мужики направлялись к подъёмнику, ему дураку взбрело в голову показать молодому практиканту из института и попутно соседу по подъезду место своей работы в лаве. Захотелось

высоким рабочим штилем дать наказ этому безусому ёжику, как кличут здесь такой народишко.

Это была последняя шахтёрская смена Ивана, завтра его должны зачислить в пенсионеры. И вот они на том месте, куда Иван тащил парня. Перед ними: слева массив угля – забой лавы, справа – могучие опоры проходческого комбайна.

– Смотри, Рава, какое чудо сотворили людские мозги. Я сам...

И не договорил. Мир перевернулся за одну секунду. Слава богу, не взрыв и не пожар, а глубинный сдвиг породы. Иначе бы души Ивана с Равилем уже осваивались с высокими небесами.

– Как нам теперь быть, дядя Ваня?

Иван не знал ответа на этот коварный вопрос. Но собрался со словами.

– Давай вместе покумекаем. Надо двигаться туда, где могут быть люди... – Помолчал и спросил, – а ты чего там бубнил про «синелем»?

– Это я мысленно обращался к бабушке Фариде. Думал, что она меня услышит... Она ж у меня одна на свете, и я у неё из родни единственный.

Решили пробираться тем же коротким путём, что и пришли. Там старый штрек, деревянные опорные стойки. Иван не доверял современному крепежу.

– Значит, так... Я иду на разведку, а ты остаёшься здесь. За старшего, Рава!

– А вы вернётесь, дядь Вань? – спросил с некоторым страхом Равиль.

– Ты что, парень? Сомневаешься во мне? Иначе зачем бы пошёл?

И осторожно нырнул в темнотищу. Эх, только б не напороться на завал. Но вскоре попал в ловушку – груды угля и породы преградили путь. Иван рискнул, просунулся в щель у самого пола штрека. Не хватало воздуха, но он полз и полз.

И не заметил, как выбрался из проклятой щели, усеянной пылью и штыбом – крохотными кусочками угля. Иван знал это место. Переждать сподручнее здесь – хотя бы можно встать в полный рост. Почти на ощупь обследовал площадку нового прибежища и понял, что из двух ближайших стоек одну надо заменить...

Пополз назад. Чтобы отогнать сковывающее чувство опасности, насильно вгонял себя в картины далёкого прошлого. Будто идёт он через осиновый подлесок. Вдали бухнут кусты калины, а на опушке взвиваются саранки, все в сиреневых завитках... И вдруг явилось то, чего никогда не бывало в жизни. На поляну выбегает маленький Равиль, а за ним величаво ступает костлявая бабка Фарида. Равиль в прозрачной шёлковой рубашке, машет ладошкой белым облакам, а Фарида стоит в стороне, прикрыв глаза от солнца кривыми пальцами. На ней розовая длиннополая рубаха с оборками, поверх – синий приталенный камзол с жёлтой оторочкой. На голове вышитая бархатная шапочка – калфак, обшитый серебристыми блёстками. Настоящая красавица в металлических украшениях – серьги, браслеты, блескучие цепочки и накосяники. А на ногах оранжевые ичиги на

мягкой подошве. Иван прыснул смехом от мысли: Фарида ведь ненамного старше его, а может, даже ровесница... Бывает же!..

Когда он появился перед Равилем, тот радостно воскликнул:

– А нас услышали! Понимаете, они знают, что мы живы!

– Кто, Рава? Ты так со мной не шути. Сейчас вся напруга и связь в отключке... – А сам подумал, что парня от пережитого начало колбасить.

– Я, дядя Ваня, про свою мобилу... Я её в раздевалке машинально в карман робы сунул... Не знаю, зачем... А когда вы ушли, послал бабушке эсэмэску. Тут же ответ от них пришёл. Правда, рванный какой-то «...оняли... живы, дер...».

Иван тыльной стороной ладони смахнул со лба крупные капли пота.

– По всем статьям паразит ты, пацан! Понял? Но если не врёшь, то понимай: там знают, что мы живы... И нам надо держаться до самого конца!

Фонарь на каске Ивана тускнел. Шахтёр отыскал пруток проволоки, сделал на концах его по петле. Выбрал одну из стоек, охватил её удавкой.

– С богом, Рава! Следуй чётко за мной! Уловил?

У знакомого лаза накинул на сапог вторую проволочную петлю.

– Будешь подталкивать деревягу, а то доползу без конечности...

Иван боялся, что петля соскочит с ноги вместе с резиновым сапогом. Тогда парню будет хана... Наконец, миновали спасительный лаз. Иван выставил новую стойку рядом с той, что ему не понравилась. Равиль помогал шахтёру, как мог.

– Я тут тебе сказал «с богом!» А ты сам-то веришь в какого-нибудь бога? Или ваше поколение поклоняется только баксам?

– Не знаю, дядя Ваня... Три раза за жизнь был в мечети... И всё... Если окажемся наверху, значит, он есть... Пересмотрю себя. Но, думаю, что есть...

И в этот момент там, где они находились несколько минут назад, тяжело ухнуло. Сотряслись стены оголённой породы. На каски посыпались мелкие камешки угля и породы.

– Не выдержал верхняк, Рава. Ждал, когда мы с тобой пройдем... Вот тут и подумаешь о Боге! А ты говоришь «проголодался»...

Время ползло медленно. Два живых существа в нём потерялись окончательно. «Моторола» не фурычила. Да и что она? Это благодаря совпадению пространственного перемещения и отражения волн в эфире Равилю удалось подать знак о себе.

Всё реже они вели разговор. Потом один уходил в дрему. Другой глядел в бесконечную темноту.

– Ты, Рава, больше спи. Надо беречь силы. Если не можешь заснуть, девчонок своих в уме пересчитывай! Скорее сон придёт...

– Какие девчонки? Я только с Танькой два раза поцеловался. Потом она с родителями в Краснодар переехала. Мне с женщинами не везёт.

«Ишь ты, ёжик! С женщинами ему не везёт...» – усмехнулся Иван про себя.

Так и перекидывались они короткими фразами. Однажды Равиль спросил:

– Верно, что вы первыми на нашей шахте вышли бастовать?

– Было, было такое. Подрал я тогда глотку. Считал, что рай наступит, как только коммунистов оттесним. А вышло что? Вроде и шахта жива, новые крепи ставим, комбайн новый теперь в забое у нас. Только у меня всё больше сомнений...

– Прогресс, дядя Ваня. А то б и сегодня стоял с отбойным молотком...

Слова парня, видать, задели шахтёра за живое. Иван аж продул ноздри.

– Я с молотком, Рава, был передовым проходчиком, а теперь рядовой «гроз» – горнорабочий очистного забоя! Мои фотки на «Доске почёта» еле успевали обновлять. Был я раньше хозяином на шахте. Ясно? А теперь, скажи, кто? Чурка с глазами.

...Сунул он как-то в карман куртки руку, а там кусок тетрадного листа – в него дочь Нина, готовя отцу «забутовку», завернула шмат сала и две котлеты. От бумаги пахло домашним теплом и кухонным жиром. Рука сама по себе скомкала лист и вмиг отправила комок в рот. Жевал бумагу по-звериному. Не поделился с мальчишкой подвернувшимся фартом, проклятая плоть оказалась сильнее человеческой воли. Утешала лишь мысль, что поступил правильно, уберёт Равиля от худшего.

По длине щетины на щеках Иван догадался, что прошло больше десяти дней, как они попали в заточение. И надо ж случиться: где-то далеко-далеко вдруг послышались глухие стуки. Иван и Равиль встрепнулись одновременно.

– Там люди! – почти закричал Равиль.

Иван попытался дать о себе знак – куском породы саданул по деревянному брусу, поддерживающему свод штрека. Но раздался только глухой отзвук. Зато откуда-то в ответ донеслось два слабых стука! С этого раза узники воспрянули духом. А дальнейшие звуки постепенно нарастали и приближались.

Так получилось, что они оба в ту минуту то ли спали, то ли были в забытьи. Совсем рядом, будто за кухонной перегородкой, раздался шум. Кто-то разгребал куски угля и породы.

– Мы здесь, ребята! – закричал Иван и не узнал своего скрипучего голоса.

Вскоре в непроницаемую мглу штрека хлынул поток электрического света.

Иван, ухватившись за пихтовую стойку, сдавленным голосом выдал:

– Берите скорее парня! Там у него бабка на-гора заждалась!

Равиль слабо раскачивался на коленях у другой стойки:

– Нет, пусть он первый! Ему завтра на пенсию! А мне тут ещё долго работать!

ЕЛЕНА САФРОНОВА (г. Рязань)

Родилась 2 мая 1973 года. Прозаик, литературный критик-публицист. Редактор рубрик «Проза» и «Критика и публицистика» литературного журнала Союза писателей Москвы «Кольцо А». Член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, Союза журналистов России. Постоянный автор «толстых» литературных журналов «Знамя», «Урал», «Бельские просторы», «Вопросы литературы» и др. Печаталась в сборниках «Аэлита-2008», «Крымский сборник» (М., «Книговек», 2014), антологии «Русская фантастика 2013» (М., «Эксмо», 2013). Автор книг критики «Все жанры, кроме скучного» (М., 2013), «Диагноз: Поэт» (М., 2014), прозы «Жители ноосферы» (М., «Время», 2014), «Портвейн меланхоличной художницы» (Екатеринбург, «Евдокия», 2017). Лауреат ряда литературных премий в критической и прозаической номинациях. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Абсолют».

ФЕНОМЕН

Они сидели в Юриковой квартире на девятом этаже. Юрик тянул пиво. Вадик с неохотой прихлёбывал чай. У него началась очередная чёрная полоса: он ничего не мог и ничего не хотел. На чае настоял Юрик ради смягчения разговора. Вправлять собеседнику мозги лучше за рюмкой кофе. От рюмки Вадик отказался. От вразумления не смог – он ведь и пришёл к однокашнику излить душу.

– На сей раз полная ж... – бубнил Вадик. – Работы нет и не предвидится. Людоеды эти подняли пенсионный возраст, кто меня теперь в 55 куда примет? Везде свои. С улицы придёшь трудоустроиваться – на улицу и выйдешь. Анька ушла насовсем. Пять раз за жизнь сходились. Теперь – бросила, сказала, неудачник ты, на фиг мне такой нытик на старости лет. Дашка только что в рыло не плюёт: мол, я ей квартиру не купил, на работу приличную не приткнул. Ты лузер!.. Отцу родному, а?.. А про себя знаю – да, я лузер. Весь в мамашу свою. Она жила для людей, для страны, мне оставила комнату в коммуналке... Так что я неправду сказал. Анька не от меня ушла, а меня из дома выгнала. Буду тусить в коммуналке мамашиной... Денег нет ни хрена, четыре года без работы...

– Инженер твоего уровня не может быть без работы, – наставительно сказал Юрик. – Вадим, извини, но ты сам виноват, что оказался в такой жо... положении. Я в одной книжке вычитал: «Нет таких слов: "не могу". Есть

слова "я не пробовал" и "я плохо старался"». Вот это про тебя. Что ты пробовал сделать, чтобы хотя бы работу найти? Вон президент по телевизору сказал, что надо развивать отечественную промышленность. Теперь специалистов твоего профиля с руками оторвут, а ты ноешь сидишь!..

– Я пробовал, – обиделся Вадик. – Резюме по всем заводам рассылал. То нет ответа... то, один раз, прямо обозначили, что ищут специалиста до 35 лет.

– А туда, откуда не ответили, ты звонил?

– Зачем?

– Затем, что это азы этики трудоустройства!.. Отправил резюме – надо дня через три набрать и спросить, получили ли его!.. Я так лично делал, у меня, как видишь, сработало!..

– Глупость это. Если резюме заинтересовало, наберут тебя и сами. Если же нет, хоть обзвонись. А в твоём случае, думаю, сработало, что ты резюме не дяде посылал, а своему другу по НИТИ!

Юрик насупился. Он не думал, что Вадик помнит, о чём он проболтался. А Вадик оседлал любимого конька.

– И так везде – у тебя есть шанс, только если ты идёшь туда, где сидят твои друзья, однокашники, родственники... Лучше всего – мамы и папы. А моя мамаша, блин, бедная, но честная, полезных связей не завела, твердила, надо жить своим умом. Да и какие у неё, по совести, могли быть полезные связи, у уборщицы в аптеке...

Юрик решительно перебил.

– Вадик, прекрати стонать и обвинять других в своих бедах!.. Тебе ли жаловаться! Человеку со сверхспособностями!..

– При чём тут мои способности?.. В девяностые, помнишь, сколько людей со способностями, со степенями, с красными дипломами дрались за места дворников?..

– Твои способности – дело другое! Я же помню, как ты в походе костёр взглядом зажёг!..

– Ага. Вместе с зажигалкой.

– Зажигалка не работала! В ней бензин кончился! Или мы ей боёк сточили! Не работала зажигалка ни у кого. А ты костёр зажёг!..

– Дела давно минувших дней...

– Вадим! Твоя проблема в том, что ты сейчас опустил руки! Тебе надо срочно изменить отношение к ситуации – и все изменится к лучшему! Поверь в себя, в свои силы!..

– Это как, интересно, человек на дне может поверить в свои силы?

– Столько книг на эту тему написано специально для тебя! Почитай Ложковского...

– Хренковского!.. У меня денег на хлеб нет, а ты мне предлагаешь купить дорожную книгу.

– Ну давай я тебе его подарю. У него один том есть сказочный просто – «Стоит только захотеть»...

Вадик разразился хрюкающим смехом.

– Ой, не могу!.. «Стоит только захотеть», значит, и меня возьмут генеральным директором завода?.. И жена ко мне вернётся? И дочь зауважает?..

– Ну, не так утрированно, но там написано, как формировать у себя позитивное мышление и самому свои проблемы решать.

– Юрик, все эти модные психологи единственно чьи проблемы решают – свои материальные. Остальные лохи им похрену.

– Ты неправ. Ложковский – отличный специалист, наш где-то ровесник, в СССР еще начинал, у него школа своя...

– Вот что человек со своей школой и чемоданом денег может посоветовать мне, сидящему без копейки и без жизненных перспектив?..

– И это говорит мужик, который силой мысли двигал предметы!..

– Что ты всё вспоминаешь наши приколы юношеские?! Ну да, было круто, когда в общежитии у тебя зависали до утра... Казалось, что перед нами бесконечное светлое буду...

– И когда ты мяч баскетбольный кидал по стенам, по потолку, так, что он в форточку выскочил и комендантше по балде!.. – Юрик резко оборвал Вадика, чтобы он опять не затянул жалобную песню, да сам зримо увидел то, что вспомнил, и заржал в голос. – Ой, не могу! Помирать буду, в последний миг увижу, как у Зинки-корзинки парик съехал на правое ухо, и как она со двора орала на все этажи матом!.. Слушай, ну признайся – ты в неё специально целил?..

– Нет. Я вообще никак не мог тем мячом целить. Мне казалось, не я им, а он мной управляет...

– А я уверен, что ты в Зинку метил!..

– Ага, чтоб она тебя вычислила по фортке, и чтобы отчислением и выселением пугала, к декану бегала... Ты за кого меня принимаешь? Думаешь, я тебя подставить хотел?..

– Не думаю, конечно. И забыл, что была такая вонь потом. А вот мяч Зинке в маковку помню!.. Я вообще только хорошее помню из юности.

– Везёт! – загробным голосом сказал Вадик. – Я-то всё помню.

– Это тоже плохо, Дюха. Надо помнить светлые моменты, а тёмные заваливать в подсознание, чтобы они не чадили...

– Вот и прикажи своему подсознанию!

– Нет – это ты прикажи своему подсознанию! Которое спрятанные карты угадывало, банку килек нашло за мусоропроводом в другом крыле общежития... А как ты мысли нам передавал на расстоянии?! А как жене своей признался в любви, когда она на зачёте сидела?! Кстати! – Юрик вдруг весь подобрался. – А почему бы тебе этим не заняться?! Как Мессингу?!

– Сравнил меня с Мессингом!

– Сравнил. Я считаю, что ты круче. Он неизвестно ещё, кто был. Может, мошенник. Но деньги огромные зарабатывал на гипнозе и на фокусах, которые ты нам бесплатно показывал!..

– Да он просто под колпаком у КГБ ходил, вот и...

– Радуйся, что ты под этим колпаком не ходишь. И что сейчас можно предпринимательством заниматься.

– Юрик, ну какой из меня на шестом десятке предприниматель? Я даже представления не имею, как договориться о выступлении, к примеру. Наверняка мне скажут, что я должен зал арендовать, афиши сделать – на какие шиши всё это?..

– Хочешь, чтобы я тебе одолжил? На аренду зала – одолжу. Без процентов.

– Да ладно, фигня это всё...

– Кто хочет – ищет возможность, кто не хочет – ищет причину.

– Да я не хочу выступать как Мессинг. Я не ярмарочный фокусник, а инженер. И как инженер – не востребован. Ты знаешь, как это больно?.. Нет. Но мне неприятно, понимаешь, становиться шутком балаганным, чтобы прокормиться, если я не могу зарабатывать настоящим делом...

– Ну откуда ты знаешь, что твоё настоящее дело? Может быть, твоё призвание – вот этот феномен!.. Может, тебе вообще надо было это в себе развивать смолоду, а не политех кончать!..

– Да, надо было сдать в лабораторию, был бы сейчас кроликом или крысой, меня бы хоть кормили...

– Димыч, меня реально задолбало говорить с тобой в таком тоне. Ты считаешь, что тебе хуже всех? А калеки? Безногие всякие? А, не знаю, трудовые мигранты без паспортов?..

– Они-то работают без проблем!.. Я на стройку просился, там посмотрели на мою комплекцию и одышку и на фиг послали.

– С таким настроением тебя любой на фиг пошлёт! Seriously говорю – тебе нужна грамотная стратегия! Как совершенствовать свою личность!

– Психологов многих я в молодости читал. Пока у меня всё хорошо было. Тогда казалось – интересно, умно пишут, черти!.. Потом, когда проблемы начались, понял, какая туфта все их учения. Ничего общего с реальной жизнью!..

– Не скажи. Некоторые пишут про пошаговое принятие того, что с тобой происходит. Ложковский тот же... Смотри: шаг первый – ты принимаешь свои неприятности. Шаг второй – принимаешь, что ты в них не виноват, вообще никто не виноват, это данность. Шаг третий...

– Ой, всё! – у Вадика дёрнулось веко. – Ты мне сейчас программу «Двенадцать шагов» выложишь. Я не совсем тёмный, я ею интересовался когда-то. У нас этой программой обычно наркоманов лечат. Может быть, для наркоманов она и подходит. И то, говорят, когда наркоманы сами хотят завязать. А я не знаю, чего хочу. Поэтому для меня эти шаги считать... что толку? Не моё это...

– Конечно, твоё – это сопли на кулак мотать и по ушам друзей развешивать! – вырвалось у Юрика. Он тут же пожалел о сказанном. Но было поздно. Вадик окончательно помрачнел и замкнулся.

– Ладно. Пойду я. Пока совсем не поругались. Не поминай лихом.

Он неуклюже поднялся с дивана, задев толстой ногой столик с чаем и пивом. То и другое плеснулось на столешницу.

– Тьфу! – сказал Вадик. – Ничего-то я по-человечески сделать не могу...

Юрик раздражённо промолчал. Да Вадик и не ждал от него реакции. Он прошествовал к стенке квартиры, которая была наружной стеной дома. Кривовато, одним плечом вперёд, протиснулся через стену и пропал с глаз Юрика. Тот метнулся к окну. Вадик спускался по воздуху медленно и косолапо, точно так же, как ходил обычно по лестнице. Весь вид его выражал глубочайшую обиду и уныние. На полпути Вадика заметила любопытная тётка из дома напротив, вечно торчащая в окне и следящая за событиями во дворе. Она так и прилипла к стеклу, а потом судорожно стала открывать оконную створку и, видимо, искать телефон – заснять. Её возня привлекла внимание не только Юрика, но и Вадика. Он махнул рукой и пропал из виду. «Трансгрессировался», – подумал Юрик термином из Стругацких. А потом вослед другу: «Ты меня слышишь? Ну чего не дал себя снять тётке?! Это же бесплатный пиар! С таких мелочей и начинается путь к славе и деньгам!»

«Засунь себе знаешь куда славу и деньги!» – спустя пять минут пришёл в голову Юрика направленный мысленный посыл от бывшего однокашника.

НАТАЛЬЯ ТИМОФЕЕВА
(Московская обл., г. Химки)

По первому образованию – филолог романо-германской группы, второе образование – экономическое. Публиковалась в журналах «Нева», «Западная Двина», «Московский BAZAR», «Юность», «Причал», «Перископ», «Литературная газета», «Новый Ренессанс», «Обская радуга», «Царицын», «Ямальский меридиан» и др. Автор трёх поэтических сборников и сборника литературных переводов. Победитель литературных конкурсов «Петроглиф», «ЛитКузница», «Уральский книгоход», «Славянские традиции», «Моё сердце в горах» им. Вильяма Сарояна, «Славянское слово», «Литературные старки», «Созвездие духовности» и др. Лауреат Международной литературной премии «ДИАС-2023» в номинации «Судьба».

МУХА

Она появилась ниоткуда. Она или он – обтянутый чёрной шерстью комочек, пискнувший по-кошачьему и вцепившийся в штанину чуть выше ботинка Варлама. Возвращаясь домой в полумраке, Варлам едва не раздавил это существо, которое, вопреки инстинкту самосохранения, решило цепляться за жизнь по-своему: путь задавят – так больше шансов быть замеченным. И его заметили. Варлам наклонился, поднял дрожащее тельце, перевернул на спину – кошка. Значит, она. Как-то проскочила в подъезд. Или подкинули? Варлам оглянулся, перетаптываясь в замешательстве, и обшарпанная половица деревянного пола жалобно скрипнула под его весом, словно переговариваясь. Он поднял кошку к свисавшей с потолка тусклой лампочке, пытаясь разглядеть характер в глазах животного. И в этот момент кошка мягко, но решительно вцепилась в ладони Варлама – возьми! И он взял. Зачем? Сам не понимая, он понёс комок кошачьих несчастий в свою квартирку – накормить.

Жалобное «мяу» перешло в жадный рык, как только морда кошки вошла в соприкосновение с фрикаделькой. А затем звук торжествующей плоти, куда более жизнеутверждающий, чем гимн из радиоточки по утрам, заполнил собой всё кухонное пространство. Наевшись, кошка принялась намыывать мордочку и мурлыкать.

– Ну, чего разжужжалась, как муха? Муха она и есть Муха. Чем не имя? Значит, будем знакомы? Только, пожалуй, тебя стоит отмыть для начала.

Через минуту мокрое существо расположилось на кровати Варлама, и его комната, пропахшая табаком, буквально взорвалась от всепроникающего запаха, хоть и кошачьего, но ребёнка. Варлам с горечью подумал, что его дочь Лена выросла без него. Так может, кошка послана ему компенсацией за все потери?

В памяти всплыли далёкий тридцать седьмой и почти забытый запах спящей дочери, которую Варламу предстояло покинуть навсегда в ночь ареста. Леночке шёл второй год, когда за ним пришли той холодной январской ночью. Это был повторный арест Варлама после трёх лет отсидки за участие в троцкистской оппозиции. Под давлением семьи, пытавшейся подстраховаться, Варлам написал покаянное письмо на Лубянку с отречением от троцкизма. Он пошёл на это ради своей дочери, как в своё время его отец, священник, ради семьи пошёл на «религиозные диспуты» с атеистами, оплачиваемые революционной властью в целях «просвещения». Но когда заведующий Губпросветом в ответ на просьбу Варлама направить его на дальнейшую учёбу скрутил фигу «отродью непролетарского элемента», Варлам решил во что бы то ни стало доказать, что одному человеку не дано распоряжаться судьбой другого, и уехал поступать на факультет советского права в Московский университет – бороться с несправедливостью. Увлечение поэзией Маяковского и Есенина, посещение лекций Осипа Брика, первые поэтические опыты, одобренные Асеевым, – всё это обещало интересную и полную событий жизнь в литературной Москве. Но участие в студенческом дискуссионном кружке, где обсуждали ленинские принципы и концентрацию всей партийной власти в руках Сталина, послужило причиной отчисления Варлама из университета с последующим арестом за распространение так называемого «Завещания Ленина».

Несмотря ни на что, первый лагерный срок только закалил Варлама и лишил страха перед жизненными испытаниями. В лагере он даже встретил свою любовь – Галину, фактически отбив её у своего сокамерника, к которому та приезжала на свидания. Пообещав разыскать девушку после освобождения, Варлам женился на ней, как только вернулся в Москву. Работа в журналах профсоюзов, публикация его первых авторских рассказов, и, наконец, рождение дочери – всё это было шансом на большую советскую жизнь, удержать который нужно было любой ценой. Ради своей маленькой дочурки, трогательно прижимавшейся к его груди с радостным возгласом «папа», когда тот возвращался с работы, Варлам был готов на многое. Так здорово было читать ей на ночь сказки Корнея Чуковского! На удивление, Леночка хорошо запоминала рифмующиеся слова. И Варлам даже подумывал написать что-то для дочери – детские стихи так и просились на кончик пера.

Потому он чувствовал себя обязанным переписать жизнь с белого листа. Но белый от январского снега лист за Варлама переписали другие –

в чёрных сапогах они прошлись по его судьбе, прочертив путь от чёрного воронка до лагерей...

Он увидел свою дочь совсем взрослой спустя семнадцать лет вынужденной разлуки. Его Леночка, комсомолка, с отличием окончила школу и успешно сдавала вступительные экзамены в строительный институт. До встречи с отцом Лена во всех анкетах в графе «отец» писала «умер». Теперь же, когда он по всем материальным законам марксизма-ленинизма появился в её жизни, материя, из которой была сшита его жизнь, подлежала применению лишь на сто первом километре от Москвы. К тому же Галина, теперь уже бывшая жена, при каждой попытке Варлама наладить общение с повзрослевшей дочерью, слёзно просила оставить их в покое: «У меня дочь, понимаешь? Дочь!»

Для Елены было очевидным – дочь всегда была только у матери. Начиная с момента, когда их выслали из Москвы в Туркменистан как семью «врага народа». Тогда в пути, не доехав до пункта назначения, двухлетняя Лена тяжело заболела – дали себя знать жара и антисанитария в общем вагоне. И там, где Среднеазиатская железная дорога пересекает Амударью, мать и дочь высадили в посёлке Чарджоу, чтобы Леночку, находящуюся при смерти от заражения крови, выхаживали местные врачи. Поэтому каждый раз, когда отец пытался рассказать Лене о мужестве тех, кто в лагерях прошёл морозы Крайнего Севера, Елена вспоминала про невыносимую жару Средней Азии и думала, каковы были её шансы выжить при температуре воздуха свыше пятидесяти градусов – переливаемая двухлетнему ребёнку кровь могла в любой момент свернуться. А теперь, когда мать с таким трудом добилась их возвращения в Москву, отец решил пожаловать на всё готовенькое и при этом рассуждать о нравственных ценностях – да как он только посмел? Разве за эти годы он хоть раз вспомнил об их с матерью существовании? Разве поздравил дочь с днём рождения хотя бы телеграммой на самом дешёвом бланке? А ей в детстве больше всего на свете хотелось папу – хотя бы словечко, как он её любит... Что с того, что он был осуждён без права переписки? – Правда жизни у каждого из них теперь была своя.

Тем временем выросшая в любви и ласке Муха превратилась в грациозную маленькую пантеру. Летом – единственным временем года, когда Варламу хватало сил писать о лагерях, Муха ложилась на подоконнике открытого окна и дремала, переливаясь чёрным гляncем на солнце. А зимой тёплый огонёк любви, вспыхивающий внутри Варлама при взгляде на Муху, спасал его от тоски и завывания ветра, напоминавшего о Вишере. В это время года проза у Варлама не шла, но под кошачье мурлыканье хорошо писались стихи.

– Ты – мой ангел-хранитель, – шептал кошке на ухо Варлам и охотно ставил на плиту чайник: чаёвничать вдвоем с Мухой было приятно. Ему – чай, Мухе – кусок чайной колбасы. На том и сроднились в ожидании весны.

Долгожданная весна оказалась тяжёлой. Март и оттепель никак не хотели уживаться в одном пространстве. Дочка Лена по-прежнему не хотела общаться с отцом, «спекулирующим на лагерной теме». Тем более, что у Леночки появился парень – её сокурсник. Весна и первая оттепель подталкивала молодых людей друг к другу, отталкивая при этом всё старое и ненужное.

Варлам как никто другой знал цену солнечному теплу и понимающе смотрел на силуэт взрослой дочери, удалявшейся под ручку с молодым человеком, на набухшие на деревьях почки и на свою Муху, поддавшуюся мартовскому призыву природы. Кошка стала настоятельно проситься на улицу, и он её отпустил – такова жизнь. Но каждый вечер, выходя на крыльцо, Варлам радовался возвращению Мухи домой. А когда она засыпала у него на коленях, Варлам начинал писать.

Так прошли два месяца – два странно счастливых и плодотворных месяца его жизни. А потом Муха пропала. Она просто не появилась на крыльце в один из вечеров. Не пришла она и на следующий день. Обеспокоенный Варлам искал её по дворам, зазывно шепча «кис-кис», вглядывался в зазеленевшую крону деревьев – вдруг она сидит на ветке, спасаясь от ухажёров? Наблюдавшие за ним рабочие окликнули Варлама:

– Отец, что за муху ты кличешь? Кошку найти не можешь? Чёрную? Вчера такую закопали, там в траншее, за углом. Кто-то пришиб животину, не оставлять же было её просто так – дети всё-таки ходят, мы и подумали... Вот, возьми лопату...

Копать пришлось недолго. Умелыми движениями Варлам раскидал то, что бригада рабочих набросала за полдня. Сквозь чернозём и комья глины показалась чёрная шерсть. Дальше Варлам разгребал уже руками. Молча отнёс он лопату рабочим. Те, не говоря ни слова в ответ, проводили его взглядом. Странно и неестественно было видеть, с какой нежностью этот перепачканный землёй человек прижимал к груди то, что нашёл.

Дома Варлам отмыл свою Муху, совсем как в первый раз, когда она была котёнком, завернул в полотенце и уложил на кровать. И тут он понял, что у них с Мухой нет ни одной общей фотографии! Варлам дождался, пока шерсть на кошке высохнет, расчесал её, надел свою лучшую рубашку и сфотографировался с Мухой на руках. Портрет на память, семейное фото – ведь оно должно быть у каждого! Снова завернув Муху, Варлам закопал её во дворе, а вместе с ней остатки тепла в своём сердце. Отныне с ним оставалась только память. И эта память жгла северными ветрами, давила тяжестью вечной мерзлоты, где не могли упокоиться те, от кого не осталось даже крестов... Но о них ещё можно было написать, словно сделать снимок, обнажающий в человеке его подлинную суть. Этот фотоальбом нужно было обязательно донести живым. «Зачем?» – спросила бы его дочь Лена.

Ответа на этот вопрос у Варлама не было. Но чувство справедливости требовало соблюдения законного права каждого на человеческое тепло и надежду на будущее. И пером писателя он возвращал это право всем тем,

кто остался лежать безымянным в краю лиственниц. Ведь под книжным переплётом они уже никого не потревожат, если только не захотеть перелистать страницы их судеб. И тогда запах цветущей веточки лиственницы в московской квартире станет реальностью...

